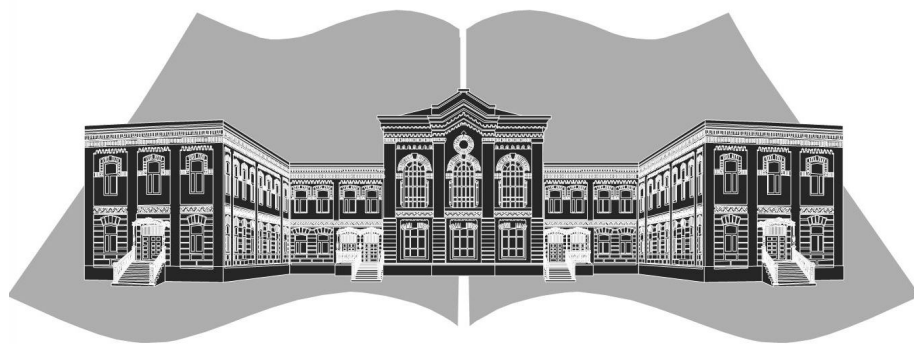

Министерство образования Московской области
Государственное образовательное учреждение
высшего образования Московской области
«Московский государственный областной гуманитарный институт»

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
ГУМАНИТАРНОГО
ИНСТИТУТА

**СЕРИЯ: ИСТОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ,
ПОЛИТОЛОГИЯ, ПРАВО**

*Научный журнал
№2 (2014)*

Орехово-Зуево
2014

Министерство образования Московской области
Государственное образовательное учреждение
высшего образования Московской области
«Московский государственный областной гуманитарный институт»

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО ГУМАНИТАРНОГО ИНСТИТУТА

СЕРИЯ: История, философия, политология, право

Научный журнал
№ 2 (2014)

Главный редактор:

Доктор философских наук, профессор, академик РАЕН **А.М. Юнусов**

Зам. главного редактора:

Кандидат филологических наук, доцент **К.В. Булавкин**

Кандидат юридических наук, доцент **М.В. Измайлов**

Ответственный редактор:

Кандидат философских наук, доцент **И.Р. Корнышева**

Ответственный секретарь: И.Е. Баранова

Члены редакционной коллегии:

Кандидат юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации

Ю.И. Авдеев

Доктор философских наук, профессор, академик РАЕН. Заслуженный деятель науки Российской Федерации **Э.А. Баграмов**

Доктор юридических наук, профессор. Заслуженный юрист Российской Федерации **М.П. Киреев**

Доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации **И.А. Землин**

Доктор философских наук, профессор **Д.В. Джохадзе**

Доктор исторических наук, профессор, академик РАЕН **В.Ф. Марухин**

Доктор политических наук, профессор **З.И. Мунавваров** (Республика Узбекистан)

Кандидат философских наук, доцент **Т.Г. Насриддинов**

Кандидат исторических наук, доцент **А.В. Рябцев**

Кандидат философских наук, доцент **А.Н. Самарин**

Доктор философских наук, профессор, **Е.И. Степанов**

Доктор философских наук, профессор, академик РАЕН **В.А. Чудинов**

Доктор экономических наук **Я.А. Янакиев** (Республика Болгария)

Кандидат философских наук, профессор **С.С. Сайфуллаев** (Республика Таджикистан).

Доктор педагогических наук, профессор **О.И. Щербакова**

Кандидат исторических наук, доцент **А.П. Вихрян**

Доктор юридических наук, профессор **В.В. Меркурьев**

Доктор социологических наук, профессор **Ю.В. Латов**

Доктор исторических наук, профессор **Н.М. Назаршоев**

Доктор педагогических наук, профессор **Л.В. Кузнецова**

Доктор медицинских наук, кандидат философских наук, профессор **И.А. Гундаров**

© ГОУ ВО МО «Московский
государственный областной
гуманитарный институт», 2014

© Оформление.

Редакционно-издательский отдел
ГОУ ВО МО «Московский
государственный областной
гуманитарный институт», 2014

Редакционно-издательский отдел Московского государственного областного гуманитарного института.
142611, Московская область, г. Орехово-Зуево, ул. Зеленая, д.22.

E-mail: vestnikmgogi@gmail.com

www.mgogi.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1 ФИЛОСОФИЯ. ИСТОРИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Булавкин К.В.
ДРЕВНИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
О РАЗВИТИИ КУЛЬТУРЫ
И ОБЩЕСТВА:
ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО
АНАЛИЗА

Крупейников К.В.
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ
АСПЕКТЫ РЕЛИГИОЗНОЙ
СВОБОДЫ В ПРОЦЕССЕ
ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Роман С.Н.
ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ
ФИЛОСОФИИ ПРИ РАБОТЕ
СО СТУДЕНТАМИ-БАКАЛАВРАМИ

Сокольская Л.В.
АККУЛЬТУРАЦИЯ КОРЕННЫХ
НАРОДОВ КРАЙНЕГО СЕВЕРА,
СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

РАЗДЕЛ 2 СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ

Карташев Н.В.
РОЛЬ ОТДЕЛА ПО ДЕЛАМ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ МВД РФ
В ПРОФИЛАКТИКЕ
АСОЦИАЛЬНОСТИ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Коваленко Н.А.
НЕКОТОРЫЕ СОЦИАЛЬНО-
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
ХАРАКТЕРИСТИКИ
БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ
ОТ ПРОЯВЛЕНИЙ
ЭКСТРЕМИЗМА

Щербакова О.И.
ГРАЖДАНСКОЕ ВОСПИТАНИЕ
В РОССИИ

Янакиев Я.А.
СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОТЕСТЫ
В БОЛГАРИИ В НАЧАЛЕ 2013 ГОДА
И ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ
ЭКСТРЕМИЗМА

РАЗДЕЛ 3 ПРАВО. ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Баранов И.Н.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ
МУНИЦИПАЛЬНОГО
НОРМОТВОРЧЕСТВА

Гужина Г.Н.
ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ
УПРАВЛЕНИЯ

Лагвинович М.Ю.
МЕРЫ ПРОКУРОРСКОГО
НАДЗОРА, НАПРАВЛЕННЫЕ
НА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ
ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОЙ
ПРЕСТУПНОСТИ

Полянина А. К.
ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
КОНСТИТУЦИОННАЯ ОСНОВА
АВТОНОМИИ ЛИЧНОСТИ

CONTENTS

SECTION 1 PHILOSOPHY. HISTORY.CULTUROLOGY

K.V. Bulavkin

ANCIENT AND MODERN
IDEAS ON THE DEVELOPMENT
OF CULTURE AND SOCIETY: EXPERI-
ENCE OF COMPARATIVE ANALYSIS

K.V. Krupeynikov

SOCIO-PHILOSOPHICAL ASPECTS
OF RELIGIOUS FREEDOM
IN THE PROCESS OF
GLOBALIZATION

S.N. Roman

PROBLEMS OF TEACHING
PHILOSOPHY WHEN WORKING
WITH BACHELOR STUDENTS

L.V. Sokol'skaya

ACCULTURATION
OF INDIGENOUS PEOPLES
OF THE FAR NORTH,
SIBERIA AND THE FAR EAST

SECTION 2 SOCIOLOGY. POLITICAL SCIENCE

N.V. Kartashev

THE ROLE OF THE DEPARTMENT
OF JUVENILE
OF THE INTERIOR MINISTRY OF RUS-
SIA IN THE PREVENTION
OF ASOCIAL BEHAVIOR
OF MINORS

Kovalenko N.A.

AMONG YOUNG PEOPLE

SOME SOCIO-PSYCHOLOGICAL
CHARACTERISTICS OF THE
SECURITY OF A PERSON FROM
THE MANIFESTATION
OF EXTREMISM

O.I. Scherbakova

CIVIC EDUCATION IN RUSSIA

Y.A. Yanakiev

SOCIAL PROTESTS
IN BULGARIA IN EARLY 2013
AND PREVENTION
OF EXTREMISM

SECTION 3 LAW. ЭКОНОМИКА AND MANAGEMENT

I.N. Baranov

ACTUAL PROBLEMS OF THEORY
AND PRACTICE OF MUNICIPAL
RULEMAKING

G.N. Guzhina

MANAGEMENT EFFICIENCY
ASSESSMENT

M.U. Lagvinovitch

MEASURES OF PROSECUTOR'S
SUPERVISION AIMED
AT PREVENTION OF TRAFFIC
CRIME

A.K. Palyanina

FUNDAMENTAL
CONSTITUTIONAL BASIS
OF INDIVIDUAL AUTONOMY

РАЗДЕЛ 1.

ФИЛОСОФИЯ. ИСТОРИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 930.85:316.3/4

ДРЕВНИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РАЗВИТИИ КУЛЬТУРЫ И ОБЩЕСТВА: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

Булавкин К.В.

Московский государственный областной гуманитарный институт

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу древних и современных научных взглядов на динамику мировой культуры и развитие общества. На основе свидетельств античных авторов и положений древнеиндийской ведической философии реконструируется картина последовательного регресса человеческой цивилизации, характерная для мировоззрения традиционных культур прошлого, и обозначается принципиальное отличие историософских представлений древнего мира от современной научной парадигмы социокультурного развития человечества.

Ключевые слова: культура; общество; цивилизация; прогресс; регресс; история; античность; индуизм.

В контексте современного гуманитарного знания понятия «культура» и «общество» тесно взаимосвязаны. Если сформулировать сущность этой взаимосвязи предельно кратко, то можно сказать, что общество и культура соотносятся так же, как категории «содержание» и «форма»: любое общество – это конкретная группа людей, объединённых происхождением, территорией совместного проживания, схожим образом жизни, языком, традициями – всем тем, что принято называть культурой в самом широком смысле этого слова, то есть культура – это специфический способ бытия того или иного социума.

На Земле существует множество самых разных обществ, непохожих друг на друга этнокультурных миров. Однако в своей совокупности они образуют единое человечество, а за богатством их разнообразия отчётливо проступают общечеловеческие базовые нормы и ценности, которые мы обнаружим в любом обществе. Это позволяет нам говорить о человеческом обществе и мировой культуре как универсальных категориях и размышлять о законах их развития и функционирования.

Каков путь, пройденный человечеством за время его существования на Земле?

Что мы знаем об этом пути?

Ведёт ли он к поступательному развитию общества или же к его деградации и упадку?

Эти вопросы волновали мыслителей с глубокой древности. Опираясь на доступные нам источники, можно уверенно утверждать, что в разные исторические эпохи ответы на них были тоже разными, а подчас диаметрально противоположными. Сравнительному анализу древних и современных взглядов на динамику социокультурного бытия и посвящено данное исследование.

Современный человек с раннего детства в процессе обучения и воспитания получает определённый набор мировоззренческих установок, формирующих в его сознании устойчивую и практически неизменяемую картину мира, которая активно поддерживается множеством социальных институтов: семьёй, системой образования, наукой, искусством, средствами массовой информации, властными структурами и так далее. В этой господствующей сегодня картине мира прочно утвердилась идея общественного прогресса, то есть постулируется мысль о непрерывном развитии общества, эволюции социальных

отношений, совершенствовании материальной и духовной культуры. И эта фундаментальная идея общественного и технического прогресса постоянно иллюстрируется множеством наглядных примеров, начиная с красочных картинок в учебниках древней истории, на которых дикие полуголые «первобытные» люди камнями и палками загоняют мамонта в ловушку, и заканчивая глянцевыми журналами, рекламирующими последние достижения в области компьютерной техники и мобильной связи.

Однако вправе ли мы всецело доверять общепринятым расхожим мнениям?

Для объективного ответа на данный вопрос обратимся к наиболее авторитетному источнику, вызывающему доверие у большинства представителей современного общества – фундаментальной исторической науке, которая опирается на данные множества дисциплин, изучающих прошлое человечества, – антропологии, археологии, сравнительного языкознания и многих других.

Современная научная парадигма истории мировой культуры, которая сложилась в течение последних двух столетий, может быть сформулирована в следующих тезисах:

1. С момента появления на земле около 1 миллиона лет назад человека разумного культурное развитие шло крайне медленно на протяжении многих десятков тысяч лет, но при этом имело линейный прогрессирующий характер: от примитивных малочисленных обществ охотников и собирателей через освоение новых способов жизнедеятельности – скотоводства и земледелия – к возникновению первых цивилизаций (около 4 тысяч лет до н.э.). И лишь в последние несколько веков, благодаря стремительному развитию науки и техники, человечество достигло небывалого материального прогресса во всех областях своей жизнедеятельности.

2. Формирование самой ранней первобытной культуры охотников и собирателей принято относить к эпохе верхнего палеолита, то есть к периоду около 40–35 тысяч лет назад. По утверждениям официальной археологии, более ранние следы культурной деятельности отсутствуют или же представлены лишь примитивными каменными орудиями труда. Однако при этом считается, что самые первые орудия труда из камня были изготовлены представителями рода *homo* около 2,5 миллионов лет назад, то есть, по мнению учёных, около 40 тысяч лет назад в истории человечества произошёл скачкообразный переход от состояния первобытной дикости к появлению настоящей культуры, включающей в себя такие элементы, как речь, абстрактное мышление, погребальная обрядность и культ предков, искусство, изготовление разнообразных орудий труда, родоплеменной образ жизни. Причины такого стремительного культурного прорыва остаются неясными, но само появление культуры в эпоху верхнего палеолита связывается с деятельностью неантропов-кроманьонцев, вытеснивших примитивных неандертальцев.

3. С появлением кроманьонцев – носителей подлинно человеческой культуры – развитие первобытного общества пошло более интенсивно. Переход к земледелию и скотоводству (неолитическая революция), который происходил в эпоху мезолита и неолита (12–5 тыс. до н.э.), позволил отдельным человеческим обществам выйти на новую ступень общественного развития и привёл к возникновению в 4–3 тыс. до н.э. древних цивилизаций на Ближнем Востоке (Египет, Двуречье), Индии, Китае, а затем и в других регионах мира. Зарождение цивилизаций ознаменовало новый исторический период развития культуры, нашедший отражение в письменных источниках.

Подобная картина становления человеческой культуры прочно утвердилась в науке, несмотря на то, что она не даёт ответа на многие вопросы, возникающие при изучении древних культур и артефактов, и полностью противоречит традиционным представлениям о человечестве, которые сохранились в древних мифах и дошедших до нас архаических текстах. Мифология разных народов мира и сочинения древних авторов рисуют нам принципиально иную картину истории человечества. Многочисленные рукотворные объекты, существующие на планете (пирамиды Египта и Южной Америки, храмы Баальбека, мегалитические постройки Перу, Мексики, Японии и других регионов Земли) неопровержимо свидетельствуют о существовании в далёком доисторическом прошлом

обществ, уровень знаний и технического развития которых был намного выше нашей современной культуры.

Объективное изучение сохранившихся следов великих цивилизаций древности, возраст которых, возможно, намного превышает принятую в науке датировку, свидетельствует, что они могли погибнуть в результате природных или искусственных катаклизмов, кардинально изменявших облик планеты. Теория катастроф, впервые сформулированная ещё в начале 19 века французским палеонтологом Жоржем Кювье (1769–1832), приобретает всё большую популярность в альтернативных исследованиях истории жизни на нашей планете. Согласно ей, в результате катастроф планетарного масштаба на Земле неоднократно происходило вымирание биосферы на значительной части земной поверхности. Современные сторонники данной гипотезы полагают, что современное человечество – не первое в ряду предшествующих, уничтоженных в результате глобальных кризисов: сдвигов литосферных плит, погружения под воду отдельных материков, столкновения Земли с небесными телами (астероидами или кометами) или даже военных конфликтов с применением ядерного оружия. Сохранившиеся памятники монументальной архитектуры далёкого прошлого свидетельствуют, что предшествующие человеческие цивилизации в техническом отношении были более развиты, чем наша. В древнеиндийском эпосе (поэмы «Махабхарата», «Рамаяна» и других) сохранились детальные описания летающих дворцов, сверкающих огнями, страшного оружия богов, способного уничтожить целые города, и других достижений мифического прошлого. Древнеегипетская и античная традиции также донесли до нас представление о существовавших когда-то на Земле великих цивилизациях (в частности, детально описанная Платоном Атлантида), которые обладали уникальными знаниями и технологиями, впоследствии утраченными людьми. Современная наука признаёт факт вымирания динозавров и гибели значительной части биосферы около 65 миллионов лет назад в результате падения огромного метеорита на Землю, но упорно отрицает факт существования на планете в это же время человеческой расы. Однако оснований для такого отрицания, кроме того, что оно противоречит идеям дарвинизма, нет.

Исходя из совокупности имеющихся данных, можно констатировать, что мы ещё очень мало знаем о подлинной истории человечества, и вероятная причина этого заключается в сознательном нежелании учёного сообщества и стоящей за ним мировой элиты менять сложившуюся за последнее столетие научную картину мира. Но если суммировать все факты, то следует со всей очевидностью признать, что развитие человеческой культуры не было однолинейным, и сама идея общественного прогресса, столь популярная в наши дни, нуждается в кардинальном пересмотре.

Если же мы обратимся к традиционным донаучным концепциям истории человечества, то обнаружим, что в мифах и архаических текстах Индии, Эллады и Рима выстраивается принципиально иная картина динамики человеческой культуры. В них говорится о том, что когда-то на Земле царил Золотой век, и люди были подобны богам, потом на смену ему пришли Серебряный, Медный и Железный века, каждый из которых был во всех отношениях хуже предыдущего. Идея последовательного регресса человечества нашла отражение в произведениях выдающихся умов античности: в поэме древнегреческого поэта Гесиода «Труды и дни» (8 век до н.э.) и древнеримского поэта Овидия «Метаморфозы» (начало 1 века н.э.). Однако наиболее детально концепция четырёх веков изложена в индийской ведической литературе, сохранившей не только характеристику каждой эпохи, но и тщательно разработанную хронологию космических циклов, которые проходят наше мироздание. Конечно, можно относиться к данным древнеиндийской и античной мифологическим традициям как к фантазиям древних людей, но само появление удивительно схожих представлений в разных частях света, у разных народов, в контексте различных культур, невольно заставляет задуматься о едином источнике их происхождения, может быть, мифы, возраст которых исчисляется тысячелетиями, донесли до нас осколки подлинного объективного знания? Чтобы лучше понять присущую традиционным культурам прошлого точку зрения на историю человечества, следует обратиться к наиболее полному и наиболее древнему её изложению в рамках ведической традиции Индии.

Ведами (от санскритского *veda* – «знание») называют древнейшие тексты священных писаний индуизма. Сами последователи этой религии полагают, что истинный возраст Вед исчисляется тысячелетиями и что они созданы не людьми, а были получены в качестве божественного откровения в незапамятной древности. Долгое время Веда существовали в устной традиции, однако в связи с общей деградацией человечества возникла потребность в записи ведических текстов, для того чтобы уберечь их от полного забвения. Считается, что более 5 тысяч лет назад святой мудрец Вьяса записал наиболее значимую часть священного Знания в форме четырёх Вед, которые положили начало обширнейшей ведической литературе на санскрите, включающей в себя также сборники религиозных и философских комментариев к четырём Ведам – брахманы, аранияи, упанишады, собрания мифических сказаний – пураны и великие поэмы «Махабхарата» и «Рамаяна». Вся эта огромная по объёму литература содержит отсылки к той концепции, которая будет изложена ниже.

Если попытаться обобщить сведения ведических источников и их толкований, то перед нами предстанет целостная космологическая концепция, основанная на идее цикличности бытия. Согласно Ведам, существует абсолютное Первоначало всего сущего, Творец всех миров – Брахман. Образ Единого Бога-Творца, Абсолюта-Брахмана в ведической традиции можно соотнести с аналогичными образами в других древних учениях: ему соответствуют Логос в древнегреческой философии, Дао в философии Китая, Пустота (Шуньята) в буддизме. Брахман незримо присутствует в каждой точке мироздания, одушевляя всё сущее. Силой своей необъятной мысли он порождает множество миров. В каждом мире из эманаций Брахмана появляется свой демиург – Брахма, который выступает как ипостась Брахмана-Творца. Но миры, порождаемые Брахманом, не вечны. Каждый из них, проявляясь на материальном плане, проходит свой цикл развития, а затем, разрушаясь, снова переходит в состояние небытия. Подобные процессы в космосе носят циклический характер: миры рождаются, умирают и рождаются вновь. Меняется лишь их форма, материальная оболочка, но их духовная сущность, или энергия, не исчезает, возрождаясь вновь и вновь, идя по пути духовной эволюции.

Важной составляющей ведической традиции является учение о хронологии космических циклов и их связи с историей человечества. По представлениям индийских жрецов, Брахма – создатель нашего мира – живёт 100 собственных лет. Этот отрезок времени называется Махакальпа, и он представляет собой период существования нашего мира от момента его возникновения до момента его гибели. Космос разрушается со смертью Творца-Брахмы, гибель мира и его переход в пустотное, хаотичное состояние обозначается термином махапраляя. Махакальпа равняется 311.040.000.000.000 земных, человеческих лет. Согласно ведической мифологии, нынешний Брахма находится на 51 году своей жизни.

Один год Брахмы состоит из 360 суток. Сутки Брахмы (для обозначения этого периода используется термин кальпа) продолжаются 8.640.000.000 земных лет. Сутки состоят из двух равных отрезков времени – Дня и Ночи, которые делятся по 4.320.000.000 земных лет.

В течение «Дня Брахмы» мир находится в проявленном, активном состоянии, с наступлением «Ночи» мир погружается в небытие. Таким образом, с приходом каждого нового «Дня Брахмы» мир фактически рождается заново. «День Брахмы» включает в себя 1000 периодов – махаюг. Одна махаюга длится 4.320.000 земных лет и является временем существования на земле одного человечества – с момента его зарождения на духовном плане до его гибели в конце очередного цикла. Махаюга включает в себя 4 века (юги), которые последовательно сменяют друг друга. Каждое новое человечество, возникающее на Земле, проходит эти четыре стадии, а затем уничтожается, чтобы возродиться с наступлением новой махаюги.

Эти четыре эпохи характеризуются так:

1. Сатья-юга, также называемая Крита-юга, – «век истины», «век чистоты», которому соответствует «золотой век» античной традиции. Продолжительность – 1.728.000 земных лет. Представители самой первой человеческой расы этой эпохи подобны богам – они ещё не имеют плотных физических тел, не разделены на два пола. Их рост достигает 50 метров, а их

организм имеет эфирную природу, поэтому они питаются солнечным светом и воздухом (или чистой божественной энергией – праной), не знают пороков и болезней. Размножение происходит путём почкования. Жизнь людей длится до 100 тысяч лет. Они религиозны, строго соблюдают нравственный Закон (Дхарму), ведут праведный, аскетический образ жизни и постоянно медитируют, пребывая в состоянии просветлённого блаженства. В эту эпоху человечество не знает забот и повседневного тяжёлого труда. Нет социальных различий, как нет и государственной власти, общество основано на полном равенстве всех его членов.

2. Трета-юга («серебряный век») – длится 1.296.000 земных лет. В этот период у людей формируются плотные материальные тела, однако их рост по-прежнему очень высок и достигает 25–30 метров. Люди этой эпохи питаются растениями, физически они – андрогины или гермафродиты, их тела имеют зачатки и женского, и мужского начала. Они размножаются, откладывая яйца. Именно в эту югу с появлением физического тела человека начинают интересоваться чувственные наслаждения и, как следствие, злоупотребления ими, появляются первые пороки и болезни. Закон стоит на трёх ногах – одна четвёртая часть живущих забывает о Дхарме. Продолжительность человеческой жизни сокращается и составляет не более 10 000 лет.

3. Двапара-юга («медный век») – длится 864.000 земных лет. Люди этой эпохи разделяются на мужчин и женщин, и размножение становится половым. Человеческий рост постепенно уменьшается до 10–5 метров, люди начинают питаться мясом. Их численность на Земле увеличивается, что приводит к появлению в обществе неравенства и вражды. Портится нравственность, растёт число пороков. В природе возникают стихийные бедствия. Представители этой расы живут до 1000 лет. Закон стоит на двух ногах, то есть лишь половина человечества во всём мире помнит и соблюдает его.

4. Кали-юга («железный век») – длится 432.000 земных лет. Эпоха деградации и упадка человечества. Её символом является богиня смерти – Кали. На земле царят невежество, злоба, алчность, пороки и болезни. Бесперывно идут войны. Рост людей уменьшается до 2–1,5 метров, продолжительность их жизни не превышает 100 лет. Количество людей на Земле возрастает, но качество их жизни неуклонно снижается. Забываются нравственные и религиозные принципы, на первый план выходят сугубо материальные интересы. Финалом этой эпохи становится гибель человеческой цивилизации и очищение Земли для наступления новой махаюги и зарождения нового человечества. Согласно Ведической Традиции, сейчас на Земле идёт 6 тысячелетие Кали-юги.

Таким образом, ведическая концепция и созвучные ей античные представления о последовательном регрессе человеческого общества дают принципиально иную картину истории мировой культуры, кардинально отличающуюся от общепринятой в наши дни. С точки зрения современной науки, ведическая космология является лишь частью мифологической традиции и, следовательно, остаётся за рамками научных теорий, но даже если воспринимать её лишь как поэтическую метафору, она предстаёт по-своему логичной и последовательной, неудивительно, что её поддерживали многие древние авторы. Данная картина динамики человеческой культуры наиболее ярко и полно отражает мировоззренческие установки людей большинства классических традиционных обществ древности, для которых прошедшие времена представлялись воплощением социальной гармонии и идеальных человеческих отношений. Идеализация минувшего, преклонение перед мудростью правителей и учителей прошлого, восхищение уникальными памятниками старины, бережное сохранение традиций предков, стремление сберечь их для потомков – это общая мировоззренческая черта многих великих цивилизаций – Индии, Китая, Египта, Эллады и Рима. Вправе ли мы отвергать многотысячелетний опыт этих древних обществ и сомневаться в объективности античных философов и писателей, чьи сочинения подкрепляют авторитет ведической мудрости? Возможно, пройдёт время и станет окончательно ясно, что принятая сегодня схема истории мировой культуры нуждается в кардинальном пересмотре. А сама история человечества предстанет в совершенно новом свете и пополнится фактами, доказывающими правоту древних. И то, что сегодня кажется фантастическим и

невозможным, рано или поздно явится истинным и бесспорным. Тем более, что сама история науки даёт нам достаточное количество подобных метаморфоз.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Блаватская Е.П.* Тайная Доктрина (синтез науки, религии и философии). В 2 т. – Смоленск: Редакционно-издательский центр «ТОК», 1993. – Т. 1. – 760 с. Т. 2. – 912 с.
2. *Гесиод.* Полное собрание текстов. Поэмы. Фрагменты. – М.: Лабиринт, 2001. – 256 с.
3. *Жоль К.К.* Индуизм в истории Индии: учебное пособие для вузов. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2006. – 351 с.
4. *Жуков А.В.* Камни Ики. Послание невозможной цивилизации. – М.: Вече, 2011. – 368 с.
5. *Запретная история / под ред. Дугласа Кэньона.* – М.: АСТ, 2009. – 488 с.
6. *Колтыпин А.В.* Исчезнувшие обитатели Земли. – М.: Вече, 2009. – 384 с.
7. *Кремо М.* Деволюция человека: Ведическая альтернатива теории Дарвина. – М.: Философская книга, 2006. – 800 с.
8. *Кювье Ж.* Рассуждение о переворотах на поверхности земного шара. – М.–Л.: Государственное издательство биологической и медицинской литературы, 1937. – 379 с.
9. *Мифы народов мира. Энциклопедия.* В 2 т. – М.: Советская энциклопедия, 1991, 1992. – Т. 1. – 671 с. Т. 2. – 719 с.
10. *Публий Овидий Назон.* Любовные элегии. Метаморфозы. Скорбные элегии / Перевод с латинского С.В. Шервинского. – М.: Художественная литература, 1983. – 512 с.
11. *Склярюв А.Ю.* Цивилизация богов Древнего Египта. – М.: Вече, 2008. – 416 с.
12. *Хэнкок Г.* Следы богов. В поисках истоков древних цивилизаций. – М.: Вече, 2014. – 512 с.

Summary

ANCIENT AND MODERN IDEAS ON THE DEVELOPMENT OF CULTURE AND SOCIETY: EXPERIENCE OF COMPARATIVE ANALYSIS

K.V. Bulavkin

Moscow State Regional Institute of Humanities

Abstract. The article is devoted to the comparative analysis of ancient and modern scientific views on the dynamics of world culture and society. On the basis of evidence of ancient authors and the provisions of the ancient Indian Vedic philosophy reconstructed picture is consistent regression of human civilization, typical worldview of traditional cultures of the past, and is denoted by a fundamental difference in historical representations of the ancient world of the modern scientific paradigm of socio-cultural development of mankind.

Key words: culture; society; civilization; progress; regress; history; antiquity; Hinduism.

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ РЕЛИГИОЗНОЙ СВОБОДЫ В ПРОЦЕССЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Крупейников К.В.

Московский государственный областной гуманитарный институт

Аннотация. В статье рассматриваются социально-философские аспекты процесса глобализации общества и ее влияние на религиозную свободу личности. Сущность и причины влияния киберпространства на религиозную идентичность, а также место и роль Интернета в религии.

Ключевые слова: религиозная свобода; глобализация; религиозная идентичность; манипуляция сознания; киберпространство; кибер-религия; поликультура.

Социально-философский анализ процессов взаимовлияния культур, в основе которых находятся различные религии, приводит нас к такому понятию, как глобализация.

При исследовании процесса глобализации принимается во внимание только одно его понимание.

По этому поводу С. Филатов отмечает: «С некоторой долей огрубления <...> можно говорить, что глобализация – это американизация. Американская система ценностей и общественного устройства более универсальна в первую очередь, поэтому она адекватна универсальному порядку» [9, с. 11].

В реальности существуют различные «глобализации», требующие различных оценок. Первое понимание – это объективный процесс, связанный с развитием информационных технологий, благодаря которым возникли невозможные ранее межкультурные взаимодействия во времени и пространстве. «Объективная глобализация» близка идеям В. Вернадского о предпосылках создания ноосферы [1, с. 61–65], то есть плюралистического мира различных культур, религий, цивилизаций, политических систем и иных форм государственной и общественной организации.

Другое понимание – это политико-экономическая глобализация, целью которой является создание не многообразного, а унифицированного мира, удобного для ведущих западных стран и транснациональных корпораций. Она направлена против диалога культур и не предполагает равноправия разных субъектов взаимодействия.

Основными процессами глобализации второго типа являются, как отмечает Л. Клейн, – движение товаров и услуг, финансового капитала между странами и секторами экономики;

– передвижение людей между странами, вызванное потребностями осуществления экономических функций;

– валютные операции на международных валютных рынках, движение интеллектуальной продукции и идей между исследовательскими и учебными центрами [4, с. 44–47].

История взаимоотношения религий связана с преобразованием религиозной и этнокультурной идентичности, в условиях глобализации обоих типов особенно актуальна.

Западные идеологические ценности, отрицающие культурный плюрализм, не могут быть основой разрешения кризиса религиозной идентичности, так как не могут являться основой для подлинного диалога культур и освоения их философской мысли.

Первая же модель предоставляет такие возможности, так как предполагает тесное взаимодействие культур в многополярном мире.

В настоящее время четкое понятие «религиозной идентичности» в философии отсутствует. В российском религиоведении выработано следующее определение: «Религиозная идентичность – категория религиозного сознания, содержанием которой

выступает осознание причастности идеям и ценностям, которые в данной культуре принято называть религиозными, а также осознание принадлежности к конкретной форме религии и религиозной группе» [6, с. 863]. Таким образом, признаками религиозной идентичности являются религиозное самоопределение человека, конкретная форма конфессиональной идентичности и способ осознания своей духовной ориентации.

Типы религиозной идентичности могут быть выделены по различным основаниям:

- По субъекту – индивидуальная и групповая идентичность.
- По степени выраженности и интенсивности религиозно-мировоззренческой определенности – нулевая, слабовыраженная и фанатичная.

Большое значение имеют этническая, половозрастная, гражданская, религиозная идентичность, которые в определенных культурных условиях могут либо выходить на первый план, либо снижаться до минимума.

Глобализация, экуменизм, толерантность, поликультурность общества содействуют размыванию религиозной идентичности. Но существуют и другие процессы, направленные на интенсификацию религиозной идентичности. В первую очередь – это этнический и религиозный ривайвелизм (от англ. revival – возрождение).

Религиозный ривайвелизм – совокупность христианских движений в англоязычном мире, придающих принципиальное значение личному обращению, покаянию и эмоциональной стороне веры, а также миссионерству [8]. Кроме ривайвелизма, направленного на национальное и культурно-религиозное возрождение, выделяются крайние формы религиозного самоопределения, – фундаментализм и экстремизм.

При общности влияния на построение религиозной идентичности необходимо учитывать существенные различия в корнях и идеологии названных крайних течений.

Религиозный фундаментализм направлен на возвращение к истокам и идеологически близок к различным типам ортодоксии, то есть преодоление уклонов, ересей и восстановления первоначальной чистоты религии. Он противостоит секулярной идеологии, вытеснению религии на периферию жизни общества, а также любых попыток критического пересмотра или либеральной трактовки «священных текстов» и исходных религиозных понятий.

Религиозный экстремизм в отличие от религиозного фундаментализма направлен на конфликт со сложившимися традициями. Он развивается либо внутри конфессии в результате радикализации существующих догматов и норм, как, например, ваххабизм в исламе, либо вне традиционных конфессий в результате синкретизации различных вероучений и создания новой догматики, как многочисленные религиозные движения нашего времени неохристианского, неоориенталистского и иных направлений. Таким образом, можно выделить два основных типа религиозного экстремизма, направленные на:

1. Коренное преобразование существующей религиозной системы или ее отдельных компонентов (внутриконфессионально-ориентированный тип).
2. Коренные личностные и социальные трансформации (социально-ориентированный тип).

Так как эти изменения связаны с преобразованием социально-общественных отношений, религиозный экстремизм для достижения своих целей применяет средства, выходящие за рамки общепринятых норм, пренебрегая религиозными и светскими институтами общества. При оценке религиозного экстремизма нельзя игнорировать прямую взаимосвязь его возникновения и развития с распространением политико-экономической глобализации, стремящейся к унифицированному миру.

Таким образом, в современном мире в силу глобализации, значительно меняется ситуация с определением религиозной идентичности: с одной стороны, реальная глобализация в различных сферах – культуре, политике, экономике и так далее, значительно осложняющей поиск национальной и религиозной идентичности в новых условиях, с другой стороны, усиливается тенденция роста этнорелигиозного сознания в различных формах.

Нет оснований предполагать полный фронтолиз этноконфессиональной и культурной идентичности в процессе глобализации, но этот процесс активно меняет отношения в

социуме. В настоящее время основные религиозные конфессии предлагают проекты «альтернативных глобализаций» [7, с. 334], которые можно представлять либо как активное противодействие глобализации, в смысле, американизации (православие, исламский радикализм и фундаментализм), либо как вариант мягкой адаптации (буддийская традиция или новые религиозные движения, почерпнувшие основы своих вероучений в ориенталистских религиях).

В XX в. в современном мире произошли сложные природные, техногенные и социальные противоречия, которые значительно повлияли на религиозную ситуацию разных стран, изменив соотношения светскости и религиозности культур в целом, но они же потенциально содержат новые возможности для расширения свободы духовного развития.

Изменение религиозности в условиях глобализации направлено, как отмечает С. Филатов, на «уменьшение значения обряда, литургической жизни, аскетике и большее значение социального служения, благотворительности. В области морали – культивирование личной ответственности за принимаемые решения, большая роль свободного выбора верующего, неподконтрольного церковному авторитету, его персональная ответственность перед Богом и, с другой стороны, превращение терпимости к свободному выбору других людей в норму» [9, с. 14].

В настоящее время понимание религиозной свободы необходимо рассматривать с точки зрения различных культур, учитывая религиозную идентичность, религиозную свободу в христианстве, исламе, буддизме. В современном мире на смену насилию в решении религиозных вопросов пришло контролирование сознания с помощью новейших достижений науки и техники.

Ценность религиозной свободы личности для ее развития и обретения идентичности неоспорима, а манипуляция сознанием, в том числе с помощью высокотехнологических средств, ведет к имитации существования и, в конечном счете, как показал М. Мамардашвили, [5, с. 107] – к антропологической катастрофе.

Для более полного понимания феномена религиозной свободы рассмотрим его главную альтернативу в наши дни – понятие манипуляции и ее основные сущностные черты.

Исследуя основы манипуляторного контролирования сознанием можно выделить родовые признаки манипуляции – это форма психологического воздействия, отличная от прямого физического насилия или угрозы насильственного действия, скрытно влияющая на духовную организацию и психику личности, имеющая результатом ущерб тех лиц, на которых она направлена.

Родовыми признаками манипуляции являются:

1. Утаивание информации, хотя некоторые приемы манипуляции включают в себя игру в искренность.
2. Отношение к людям, на которых направлено воздействие как к объектам, вещам, что исключает партнерские отношения.

В настоящее время существует система подготовки кадров, научные учреждения, литература в этой области, появились специалисты, владеющие технологией манипуляции профессионально.

При этом понятие манипуляции не равнозначно обману или насилию, хотя они являются одними из важных приемов манипуляции. Манипуляция не только побуждает человека, на которого направлено манипулятивное воздействие, делать то, чего желают другие, оно заставляет его хотеть это сделать [2].

Манипуляция – это одна из форм власти, использующая духовное и психологическое воздействие на людей посредством контролирования их сознания и программирования определенного поведения, нужного манипулятору. С.Г. Кара-Мурза отмечает, что «манипуляция сознанием как средство власти возникает только в гражданском обществе, с установлением политического порядка, основанного на представительной демократии» [3, с. 32].

Религиозные конфессии и государство используют манипуляцию сознанием наряду с закрепленными в законах принципами религиозной свободы. Новые религиозные движения,

связанные с межнациональными корпорациями, широко применяют новые способы манипуляции сознанием людей, при сфере контроля убеждений и религиозного сознания. Но это характерно не только для новых религиозных организаций, но и для церквей, имеющих длительную историю.

С целью увеличения доходов применяются далеко небезобидные методы манипуляции, поэтому в странах Европы и США после ряда трагедий были внесены изменения в законодательство, определяющие границы религиозной свободы, необходимые для защиты общественного порядка, здоровья или нравственности. К сожалению, в нашей стране законодательство, регулирующее религиозную безопасность, практически не разработано.

Основные методы манипулирования человеческим сознанием с целью изменить его убеждения или религиозные верования можно подразделить на разнообразные логические уловки, связанные с сознательным нарушением правил рассуждения, различные виды принуждения – физического, экономического, политического, морального и других, использование неосведомленности человека и навязывания мнения, которое не находит объективного подтверждения, использование ссылок на авторитетную личность либо коллективное мнение и так далее.

Кроме того, в настоящее время альтернативой религиозной свободе выступает имитация религиозной жизни в киберпространстве.

Представление о том, что научно-технический прогресс изживает познавательные, социально-психологические и иные корни религии в принципе неверно. В настоящее время наблюдается не только использование результатов научно-технического прогресса верующими для сохранения, презентации и изменения религии, но и конструирование новых религиозных форм, непосредственно связанных с развитием высоких технологий. Компьютерные технологии создают новую религиозную мифологию, новых гуру, которых творят при помощи компьютерной клавиатуры. В настоящее время появляются первые типологии религиозно обусловленных пространств в Интернете [10, с. 293–303; 1, с. 279–291].

Киберпространство для религии является средой существования в виде двух типов форм бытия.

Первый тип возник вне киберпространства и является виртуальным отражением реальной религиозной жизни различных религий. Данная форма не относится к новым формам кибер-религии, так как не создает новое вероучение. Она выступает как форма презентации существующей религии, акцентируя внимание на различных аспектах использования Интернета с целью повышения эффективности распространения своих религиозных взглядов.

Второй тип религиозности – это вероучения, созданные и существующие только в киберпространстве. Они наделяются свойствами священных объектов. Кибер-религия, как самостоятельная религиозная форма, рассматривает виртуальную реальность в Интернете как высшую реальность, стоящую над обыденным существованием. В российском Интернете, в «Манифесте киберверы», говорится: «Боги древних – это в основном боги плодородия и боги войны. Потом люди стали поклоняться Богу Любви. Кибер-Бог – это Бог познания. Возможности, которые дает для познания киберпространство, неограниченны, как неограниченно и само это пространство. Более того, о киберпространстве можно говорить, как о «последнем бастионе бога», потому что, в отличие от космоса, человек никогда не сможет в него проникнуть в своей физической форме. <...> Оставьте свой след в киберпространстве – и вы будете одарены вечной виртуальной жизнью» [12]. Адепты кибер-религии подчеркивают онтологический статус киберпространства, обосновывая объективное существование виртуальной реальности (а не в сознании человека или в компьютере), компьютеры являются лишь средством проникновения в это пространство.

Место и роль религии в Интернете рассматриваются с двух точек зрения: от техномистицизма, который определяется как «вера в универсальную силу технологии» [14, с. 346], до кибернетического пессимизма, негативно оценивающего Интернет и развитие

человечества по пути технического, а не органического прогресса, то есть погружение в виртуальную реальность как форму бегства от реального мира с его действительными проблемами. Философской основой данной позиции могут выступать идеи отечественного мыслителя М. Мамардашвили об антропологической катастрофе, связанной с имитацией существования [5, с. 107–121], или идеи Ж. Бодрийяра, критикующего век «гиперреальности», который <...> представляет собой только подобию, копии, которые заменили ныне утерянные реальные подлинники» [13, с. 333].

Зарубежные и отечественные религиоведы активно исследуют данные религиозные феномены, например, гражданская религия (*civil religion*) – понятие, введенное социологом Р. Белла для анализа новых явлений в США, квазирелигия (*quasi-religion*) – термин П. Тиллиха, обозначающий некоторые современные идеологии, функциональные заменители религии (*functional alternatives*) – исследовались Р. Мертоном. К таким феноменам ряд ученых относит и киберрелигию.

При этом все исследователи сходятся в том, что Интернет оказывает все возрастающее влияние на религию, трансформацию религиозных форм, что актуализирует необходимость переосмысления феномена религиозной свободы.

Сращивание религиозной идеологии и государственной политики также представляет опасность для религиозной свободы. Поощрение государством какого-либо единственного учения (религиозного или атеистического) нарушает принцип религиозной свободы и приводит к появлению экстремистских настроений.

В отечественных исследованиях проблемы религиозной безопасности рассматриваются с точки зрения угрозы со стороны новых религиозных объединений, для обозначения которых используются скорее идеологические ярлыки, а не юридические категории: объединения «деструктивного и оккультного характера», новые, «нетрадиционные, сектантские образования религиозного толка», связанные с «экстремистской деятельностью».

Вопрос религиозной безопасности шире и глубже последствий воздействия со стороны новых религиозных объединений и, как показывает история России, несоизмеримо большая угроза связана с процессами слияния религиозной (православной) или нерелигиозной идеологии и государственной политики. Поэтому для решения данной проблемы необходим комплексный подход. На теоретическом уровне – это научный анализ современной религиозной ситуации и разработка понятий, которые могли бы точно выразить реальность и тенденции развития религиозной свободы.

На социокультурном уровне необходимо совершенствование законодательного регулирования религиозной свободы, а также правовое просвещение с целью ясного понимания того, что входит в содержание права религиозной свободы, где обоснованные границы этого права, как закон, может защитить гражданина от попыток манипулирования его сознанием и жизнью, то есть необходимо воспитание правовой культуры в сфере свободы мысли, совести и религии, включающей развитое правосознание.

На духовно-личностном уровне основным условием противодействия манипулированию религиозным сознанием является развитие критического мышления личности, самостоятельности и личностной зрелости. Эти процессы непосредственно связаны с просвещением общества в духовной области, в том числе системным религиоведческим образованием.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вернадский В.И.* Научная мысль как планетное явление. – М., 1991.
2. *Доценко В.Л.* Психология манипуляции. – М., 1996.
3. *Кара-Мурза С.Г.* Манипуляция сознанием. – М., 2007.
4. *Клейн Л.* Глобализация: вызов национальным экономикам // Проблемы теории и практики управления. – 1998. – № 6.
5. *Мамардашвили М.* Сознание и цивилизация // Мамардашвили М. Как я понимаю философию. – М., 1992.

6. Религиоведение: Энцикл. словарь. – М., 2006.
7. Религия и глобализация на просторах Евразии. – М., 2009.
8. Реформация и протестантизм: Словарь. <http://slovari.yandex.ru/dict/smirnov/article/reformation/ref-0063.htm>
9. *Филатов С.* Религиозная жизнь Евразии: реакция на глобализацию (вместо введения) // Религия и глобализация на просторах Евразии. – М., 2009.
10. *Helland Ch.* Surfing for Salvation // Religion. 2002. 32. P. 293–303.
11. *Karaflogka A.* Religious Discourse and Cyberspace // Religion. 2002. 32. P. 279–291.
12. <http://www.kulichki.com/XromoiAngel/source/manifest.htm>
13. *MacWilliams M.* Virtual Pilgrimages on the Internet // Religion. 2002. 32.
14. *Maxwell P.* Virtual Religion in Context // Religion. 2002. 32.

Summary

SOCIO-PHILOSOPHICAL ASPECTS OF RELIGIOUS FREEDOM IN THE PROCESS OF GLOBALIZATION

K.V. Krupeynikov

Moscow State Regional Institute of Humanities

Abstract. The article deals with the social and philosophical aspects of the process of globalization of society and its influence on the religious freedom of the individual. The nature and causes of the impact of cyberspace on religious identity, as well as the place and role of the Internet in religion.

Key words: religious freedom; globalization; religious identity; manipulation of consciousness; cyberspace; cyber-religion; polyculture.

ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОСОФИИ ПРИ РАБОТЕ СО СТУДЕНТАМИ-БАКАЛАВРАМИ

Роман С.Н.

Московский государственный областной гуманитарный институт

Аннотация. В статье анализируются способы повышения интереса студентов-бакалавров к изучению философии, подчеркивается важная роль такого приема, как анализ произведений постмодернистской культуры, опирающихся на классические философские труды.

Ключевые слова: методика преподавания философии; постмодернизм; бакалавриат.

Трансформация системы российского образования привела к существенным изменениям в составе дисциплин, предлагаемых студентам для изучения. Так, например, на протяжении многих десятилетий дискутируется вопрос о необходимости преподавания философии как вузовского курса вообще.

Так, уже в 80-е годы XX века М. Мамардашвили предполагает, что превращение монументальных трудов мыслителей прошлого в 2–3 страницы (а то и 2–3 абзаца!) лекционного текста лишает это знание какой-либо осмысленности, превращает процесс обучения в простое зазубривание, не нацеленное на долговременное усвоение.

«О Платоне нельзя рассказывать в рамках сохранившейся системы образования. О Платоне нельзя рассказать, следя за посещаемостью занятий, проставляя оценки и тому подобного. Все это выглядит крайне нелогично», – подчеркивал он [1].

Бакалавры-педагоги в наши дни оказываются в положении, при котором «Философия» может преподаваться на первом курсе, когда возможности для интеллектуальной переработки материала ещё являются существенно ограниченными. Кроме того, если раньше преподаватель опирался на сведения, уже полученные студентами в результате освоения «Культурологии», «Социологии», «Общей психологии», «Политологии» и так далее, то теперь этой возможности нет в силу практически одновременного изучения этих дисциплин. Школьный курс «Обществознания» дает достаточно объемные сведения по теории философии, однако история философской мысли фактически не раскрывается в нем, и даже формат сочинения для ЕГЭ не предполагает упоминания об исторически накопленных подходах к той или иной поставленной проблеме. В то же время размеры материала, предназначенного к усвоению в этой области, достаточно велики, и их сколь-нибудь значимое сокращение является невозможным, если сохранять ориентиры на формирование гармонически развитой личности. В этой связи учет сферы интересов современной молодежи является необходимым, что предполагает стремление преподавателя к раскрытию тех вопросов, в формулировании которых студенты внутренне заинтересованы.

Так, простое упоминание на лекции имени Джона Локка автоматически влечет эффект «узнавания» за счет сохраняющегося повышенного интереса нынешних первокурсников к сериалу «Lost» (2005–2010). Постмодернистская игра сценаристов, поместивших «тёзку» английского философа на фантасмагорический остров с совершенно особыми свойствами пространства и времени и заставивших его стать одним из лидеров, объединяющих вокруг себя, позволяет преподавателю говорить о теории общественного договора как бы «на живом примере». Разумеется, при этом следует помнить о недопустимости перехода грани между популяризацией и вульгаризацией (так, о «француженке Руссо», ведущей на острове одинокое полуживотное состояние, слившись с природой на уровне, граничащем с безумием, желательно не напоминать).

Философия Канта легко усваивается при помощи анализа «ошибки» Воланда, приписывающего мыслителю некое шестое доказательство существования Бога, которое в

контексте теории антиномий является принципиально невозможным. Кант говорил лишь о моральном значении идеи Создателя, о чем интеллектуал М.А. Булгаков должен был знать с детства. Вопрос, зачем такая ошибка классику русской литературы, видимо, принципиально неразрешим, однако дискуссия на эту тему может помочь студенту разобраться как в особенностях философской системы Канта, так и в средневековых представлениях о времени и структуре мироздания («вечная полночь», «вечный полдень»). Кроме того, студенты-гуманитарии могут ознакомиться с крайне содержательной книгой Александра Мирера «Этика Михаила Булгакова» [2], в которой данная проблема рассматривается в строгом соответствии с текстами Канта, известными Михаилу Афанасьевичу.

Подобные аналогии могут быть построены и при помощи обращения к современному искусству. Успех фильма «Жизнь Пи» в мировом прокате и «Облачного атласа» - в российском в 2011 году показывает, что восточный тип философствования, реализованный в данных картинах, весьма близок современным молодым людям, что позволяет вести разговоры о буддизме на примерах доступных и понятных.

Один из последних фильмов Д. Кроненберга, «Опасный метод» (2011), посвящен сложной истории сотрудничества З. Фрейда и К. Юнга. Феномен Л.Н. Толстого и толстовства показан в такой ленте, как «Последнее воскресение» (2009), а Кристофер Пламмер номинировался за роль Льва Николаевича на Оскар, причем наличие большого количества студентов, ориентирующихся в отношении своего кинодосуга при помощи Американской киноакадемии, позволяет пробудить интерес и к более классическим образцам.

Так, Томас Мор является героем оscarоносного фильма «Человек на все времена» (1966), и манера подачи его образа заставляет задуматься о том, не является ли его «Утопия» продуктом, совершенно неправильно понимаемым в рамках постсоветской культуры, по-прежнему ориентированной на выискивание в культуре прошлого исключительно выражения «социального протеста»: за 2 часа экранного времени существенно более значимыми понимались вопросы о введении протестантизма в Англии, нежели утопические идеи друга короля.

Разговор о Н. Макиавелли можно вести как при помощи канадского сериала «Борджиа» (2011–2013), так и при помощи анализа его эпизодической «роли» в популярной игре «Assassins creed II» (2009), причем следует отметить, что фразы, произносимые компьютерным персонажем, стремящимся ограничить власть семейства Борджиа и предотвратить деспотию, намного более соответствуют трудам философа, чем их описание в большинстве российских учебников.

Современная литература также позволяет говорить о философии в менее академическом ключе, нежели это принято. Очевидным примером является творчество Э.-Э. Шмитта, читаемого молодым поколением. Его книги посвящены и особенностям мировых религий, и солипсизму («Секта эгоистов», 1994), а также с документальной точностью воспроизводят подробности жизни и цитаты из Д. Дидро («Распутник», 1997). Цитаты из множества произведений В.О. Пелевина сами по себе способны подать философское наследие не только в ироническом, но и неожиданно глубоком ключе. Подобных примеров масса, и переход к интерактивным формам взаимодействия заставляет постоянно выискивать их для нахождения общего языка с молодёжью.

Студенты наших дней склонны проявлять крайне слабую заинтересованность в мировом философском наследии, однако можно говорить и о другом: постмодернизм ещё не исчерпал себя в качестве культурной парадигмы, наши дети растут в культурных условиях, предполагающих едва ли не ежедневное столкновение с философским достоянием, и задача преподавателя – активизировать наличествующие знания, вычленив их в потоке другой информации и показать чёткую взаимосвязь между знанием философского наследия и возможностью элементарного ориентирования в культуре наших дней.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию // http://philosophy.ru/library/mmk/kak_pon.html
2. Мирер Александр. Этика Михаила Булгакова. – М.: Текст, 2002.

Summary

PROBLEMS OF TEACHING PHILOSOPHY WHEN WORKING WITH BACHELOR STUDENTS

S.N. Roman

Moscow State Regional Institute of Humanities

Abstract. The article analyzes the ways to increase interest in undergraduate students to the study of philosophy, highlights the important role of this procedure, as the analysis of the works of postmodern culture, based on the classic philosophical works.

Key words: methods of teaching philosophy; postmodernism; Bachelor.

АККУЛЬТУРАЦИЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ КРАЙНЕГО СЕВЕРА, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Сокольская Л.В.

Московский государственный областной гуманитарный институт

Аннотация. В статье исследуется проблема правовой аккультурации коренных народов России. Начиная с эпохи становления Русского централизованного государства, коренные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока подвергались процессу аккультурации, который фактически на практике был сведен к «русификации» местного населения.

Ключевые слова: аккультурация; правовая аккультурация; межкультурный контакт; советская культура; Российская правовая культура.

Длительный межкультурный контакт различных социумов, при котором контактируемые культурные системы воспринимают свойства друг друга, в результате чего формируется некая «одинаковость» обеих культур и возникает новая целостность, обладающая качественно новыми характеристиками, в науке принято называть аккультурацией. Аккультурация – это исторический процесс. В зависимости от того, какие культуры (этнические, религиозные, правовые, политические и другие) контактируют, различают правовую, этническую, политическую или религиозную аккультурации [1, с. 59].

Аккультурация коренных народов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока непосредственно связана с их колонизацией, но в каждом регионе осуществлялась различными методами и способами. Царская Россия была классической многонациональной империей, в которой доминирующее положение русского этноса было закреплено юридически. Насильственной русификации подверглись народы колониальных окраин, хотя политика ассимиляции не была систематической и тотальной, поэтому и результаты ее были ограниченными [2].

Принятый 22 июля 1822 г. «Устав об управлении инородцами» [3, с. 394-417] предусматривал сохранение за покоренными народами местных форм самоуправления, многих норм обычного права и традиционных судов. Однако необходимо сразу оговориться, что традиционный правовой статус коренного населения сохранялся лишь в той мере, в какой не противоречил интересам колониальной администрации.

Коренные малочисленные народы Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока подверглись процессу аккультурации в форме ассимиляции. Особенностью этих этнических сообществ является отсутствие деления на классы, что, несомненно, отразилось и на их культуре. Согласно «Уставу об управлении инородцами», опека со стороны российской администрации над этими народами была ограничена, местным властям было запрещено искусственно изолировать их от русского населения, предполагалось для каждого народа создать законы, учитывающие их историко-культурную специфику.

«Положение об инородцах» 1892 г. закрепило такие права за инородцами, как создание органов родового самоуправления, основные обязанности родовых управлений, инородных прав, степных дум, упрощенный порядок судопроизводства, право «приносить жалобы на стеснение и обиды» и другие [4, с. 1-44]. Данные нормативно-правовые акты действовали до революции 1917 г. и фактически способствовали политической изоляции малочисленных народов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока.

При контакте имперского российского права с традиционными культурами колоний нормы обычного права колоний заменялись кодифицированными правовыми актами. Юрисдикция местных судов ограничивалась многими оговорками, прежде всего по подсудности рассматриваемых дел. В основном это были гражданские споры, некоторые

категории уголовных дел, но при условии, что обе стороны были представителями коренного населения.

Особенности аккультурации Российской империи проявлялись в том, что традиционные права и привилегии инородцев, с одной стороны, пытались унифицировать, с другой стороны, сохранить. Историко-культурные различия взаимодействующих этнонациональных культур также оказали влияние на результат аккультурации коренных народов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Воспринимаемые имперские принципы правового регулирования, нормы, институты, процедуры не соответствовали уровню развития экономики, отношений собственности, правосознанию общества покоренных социумов. Российская империя пыталась заменить традиционное, иррациональное, характеризующееся синкретным видением мира, право местных жителей рациональным по характеру европейским правом. Это привело к тому, что официально отмененное традиционное право фактически продолжало применяться, а лишённые публичных функций правовые институты продолжали существовать и функционировать. Вновь созданные административные и судебные инстанции хотя и решали правовые споры, но в сознании населения большую легитимность имели традиционные процедуры разрешения социальных конфликтов.

Наиболее просвещенная часть царской администрации понимала, что невозможно быстро и радикально осуществить аккультурацию коренного населения Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока. Поэтому потребовались десятилетия, чтобы подготовить почву для ассимиляции этих народов, которая была осуществлена уже в советский период.

Аккультурации народов, вошедших в состав СССР, осуществлялась на основе марксистско-ленинского принципа о построении бесклассового коммунистического общества под руководством коммунистической партии. Фактически такое положение вещей привело к доминированию политики коммунистической партии над правом и государством, партийных решений над правовыми принципами и нормами, декларативности и фиктивности многих положений советских Конституций, что непременно отразилось и на методах и средствах аккультурации.

Лейтмотивом «окультурирования» всех народностей, проживающих на территории страны Советов, является высказывание И.В. Сталина, который в первой декаде октября 1920 г. в своих Тезисах «Советская власть и национальный вопрос в России» писал: «Центральная Россия не может долго держаться без помощи окраин, изобилующих сырьем, топливом, продуктами продовольствия. Окраины России в свою очередь обречены на неминуемую империалистическую кабалу без политической, военной и организационной помощи более развитой Центральной России» [5, с. 39]. Как видно из тезиса, «окраины России» воспринимались как сырьевой придаток со всеми вытекающими отсюда последствиями. И если в первые постреволюционные годы Советская власть пыталась сочетать национальный вопрос с интернациональным, то после 30-х годов был взят курс на стирание этнических различий и формирование новой исторической надэтнической общности людей – «советский народ». Поэтому процесс аккультурации коренных народов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока можно разделить на два этапа.

Первый этап «Диктатуры пролетариата» – это этап становления советской правовой системы, формирования революционной культуры (1917–1936 гг.). Аккультурация народов «окраин России» осуществлялась под руководством партии большевиков, которые стремились дистанцироваться от политики царизма, старались сохранить местные обычаи, местные органы самоуправления, отправление правосудия и другое. Для этого этапа характерно время прямой революционно-большевистской диктатуры, ленинского вождизма, когда при всех ужасах порядков революционного правосознания всё же шел поиск нового, царил романтический настрой, скрывавший кровавую схватку коммунистов за выбор пути «социалистического и коммунистического строительства» и за власть. Октябрьская революция 1917 года создала особую духовную атмосферу ренессансного цветения, по образному выражению А. Белого, «жить сил не хватало и все запели». Общество жаждало мгновенного переустройства жизни, нуждалось в адекватном национальному самосознанию

обновлении. Советский правовой авангард основывался на коллективистской и антирационалистической природе общественного сознания россиян.

В первые годы советской власти особый статус инородцев был ликвидирован. Представители центральных районов России, «российских окраин» и малочисленных коренных народов были уравнены в правах. Декларация прав народов России 1917 г. провозглашала право всех народов на свободное национальное развитие и право на национальное самоопределение. Шел поиск новых форм административного устройства и самоуправления народами, проживающими на территории СССР. Управление осуществлялось с учетом особенностей их культуры. Например, в Дальневосточной республике (ДВР) согласно Конституции ДВР туземным племенам предоставлялось право на обширное самоуправление на основе обычаев.

Основной закон ДРВ был разработан на основе Конституции РСФСР 1918 г., где в статье 22 закреплялось положение о том, что угнетение национальных меньшинств и ограничение их равноправия противоречат основным законам республики [6].

Подобные уникальные документы были созданы в те несколько послереволюционных лет, когда вера в революционную и культурно-созидательную силу масс еще не была подавлена тоталитарным режимом.

Позднее в октябре 1922 года было принято «Временное положение об управлении туземных племен, проживающих на территории Дальневосточной республики» [7]. Данное положение фактически было составлено на основе имперского «Положения об инородцах». Органами самоуправления туземных племен явились родовые Советы, туземные управы и районные съезды родовых Советов, туземные районные комитеты (ст. 9). Нормы обычного права сохранялись и должны были учитываться во всех учреждениях ДВР при рассмотрении дел туземцев (ст. 6). Однако контроль над деятельностью родовых органов самоуправления коренных малочисленных народов был возложен на Министерство по национальным делам.

Второй этап начинается с середины 30-х годов и заканчивается распадом СССР. Условно его можно назвать «Общенародным социалистическим». Аккультурация коренных народов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока на практике приобрела характер тотальной ассимиляции в форме русификации. На втором этапе взамен утверждается идея о социалистическом праве как «основе нормальной жизни общества», а главное – о социалистической законности как выражении, по официальным идеологическим утверждениям, нового гуманного и демократического этапа всей идеологии и практики коммунизма. На смену относительного культурного плюрализма пришел «железный» прессинг регламентированной государственной политики. В 30-е годы Российская культура приобретает новые установки – «построения социализма в отдельно взятой стране», «непримиримая классовая борьба с лагерем капиталистических государств». Устанавливается «железный занавес», который изолирует носителей советской культуры от остального мира. Идеологизация общественной жизни обнаруживала себя в прямом вмешательстве партии в правотворчество, правоприменение, правовое образование и воспитание.

С середины 30-х годов начинается процесс по искусственному ускоренному сближению и слиянию национальных культур. Как утверждали современники «сближение и расцвет наций протекает не стихийно, а планомерно <...>. В нашем многонациональном государстве это осуществляется в процессе единого государственного планирования» [8, с. 31-32]. Из статистических сборников исчезают сведения о наличии национальных школ, национальных кадров в СССР [9]. Языки коренных народов постепенно вытесняются из сфер образования и делопроизводства. На научном уровне исследовались «пути влияния развитого социализма на дальнейшее возрастание социально-классовой и межнациональной монолитности советского народа» [10, с. 8-9]. Советская общность, как полагали идеологи того времени, – это социально-классовая общность, межнациональная, основанная на братской дружбе народов СССР, спаянная единством марксистско-ленинской идеологией, вокруг коммунистической партии [10, с. 3-7]. Авторы данного концепта полагали, что

советская общность должна иметь и свою культуру социалистическую по содержанию и интернациональную по духу.

Акультурация коренных народов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока имела свои особенности. Она проходила под руководством Коммунистической партии Советского Союза и носила ярко выраженный идеологический характер, осуществлялась в форме частичной ассимиляции коренных народов СССР и была принудительной для носителей этнических культур. Частичной или незавершенной она была, потому что отдельным народам удалось сохранить свою культуру, традиции и обычаи.

Доминирование политики коммунистической партии над правом и государством, всеми сферами жизнедеятельности советского общества сказывалось на всем протяжении существования СССР и отразилось на методах и средствах аккультурации. Например, жесткий контроль со стороны государственных органов над процессом «окультуривания» коренных народов обусловил применение разнообразных мер принуждения при осуществлении аккультурации.

Как признавали современники «...в интересах скорейшей ликвидации тяжелых пережитков прошлого советское государство, наряду с широкими и разносторонними мерами воспитания, применяло и меры принуждения» [11, с. 51]. Насилие обуславливалось революционной целесообразностью, социальной справедливостью и классовой ненавистью к врагам вплоть до их физического уничтожения.

В.И. Ленин неоднократно подчеркивал, что применение насилия законно и необходимо, что оно есть революционная целесообразность <...> цель построение коммунистического общества, а все остальное второстепенно [12, с. 383].

Логическим следствием такой политики стал правовой экстремизм в форме чрезвычайного и политически аранжированного законодательства. Конечно, необходимо признать, что для организации деятельности по пропаганде социалистической законности среди местного коренного населения создавались юридические кружки и юридические консультации для трудящихся. Формирование корпуса местных чиновников и судей привело к коренизации органов местного управления и судопроизводства. Политика «коренизации» и «огосударствления» языков народов СССР не была лишь «тактическим приемом» партийно-государственных органов, направленным на привлечение на свою сторону национальных меньшинств страны. Она являлась важным способом аккультурации, инструментом государственно-правовой модернизации нерусских народов, «советизации» их культуры. Были созданы специальные государственные структуры, которые контролировали и направляли процесс аккультурации коренных народов Крайнего Севера.

Так с 1922 г. по 1935 г. существовали такие государственные органы управления и контроля: Полярный подотдел управления туземными народами Севера (Наркомнац), Комитет содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК (Комитет Севера). Аналогичные органы были созданы в Сибири – Сибирский отдел национальностей при Сибревкоме (июнь 1920 г.) Данные органы проводили политику аккультурации народов Севера, которая после 1935 года приобрела характер их тотальной ассимиляции в форме русификации.

В послевоенный период политика, проводимая по русификации коренного населения, привела к противоречивой ситуации. С одной стороны, язык коренных народов постепенно вытеснялся из сфер образования и делопроизводства, с другой – материально поддерживались его отдельные области применения, в частности, наука, культура и частично образование.

Из вышеизложенного можно сформулировать вывод о том, что в результате внешнего изоляционизма и русификации народов, проживающих на территории Советского Союза, сформировалась новая историческая общность «советский народ». Советская общность, как полагали идеологи того времени, – это социально-классовая общность, межнациональная, основанная на братской дружбе народов СССР, спаянная единством марксистско-ленинской идеологии вокруг коммунистической партии [10, с. 3-7].

Авторы данного концепта полагали, что советская общность может иметь культуру только социалистическую по содержанию и интернациональную по духу. Именно такой, по их мнению, являлась советская культура. Поэтому в основу формирования советской культуры были положены ленинские идеи о построении бесклассового коммунистического общества, об его интернационализации, снятии национальных перегородок для достижения классовых интересов, а в конечном итоге – общечеловеческих интересов и потребностей. Если исключить идеологический аспект, то можно обнаружить, что эта культура являлась общей для всех народов страны Советов. И когда идеологические конструкции были устранены вместе с советским государственно-правовым режимом, российскому обществу потребовались новые идеи, которые были бы способны объединить все постсоветские народы в единую целостность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сокольская Л.В., Сокольский В.И. Правовая аккультурация как предмет теоретического исследования // Право и образование. – 2014. – № 11. – С. 59-68.
2. Перепелкин Л.С., Руденский Н.Е. Национальный вопрос и права народов в СССР: опыт социально-политического анализа. – М., 1990.
3. Полное собрание законов Российской Империи. Т. 38. – СПб., 1830.
4. Свод законов Российской Империи. Т. 2. Ч. 7. – СПб., 1903. – С. 1-44.
5. ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933 гг. / сост.: Л.С. Гагагова, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005.
6. Основной закон (Конституция) Дальневосточной Республики. Владивосток, 1921.
7. Временное положение об управлении...// Вестник Дальневосточной Республики. – 1922. – № 5, 6.
8. Каммари М.Д. Строительство коммунизма и дальнейшее сближение наций в СССР // Вопросы философии. – 1961. – № 9.
9. Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. – М., 1992.
10. Советский народ – новая историческая общность людей: становление и развитие // Сб-к научных трудов. – М.: Академия наук СССР, 1975.
11. Очерки истории культуры Бурятии. – Улан-Уде, 1974. – Т. 2.
12. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – Т. 41.

Summary

ACCULTURATION OF INDIGENOUS PEOPLES OF THE FAR NORTH, SIBERIA AND THE FAR EAST

L.V. Sokol'skaya

Moscow State Regional Institute of Humanities

Abstract. The article investigates the problem of legal acculturation of indigenous peoples of Russia. Since the era of the formation of the centralized Russian state, indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East were subjected to a process of acculturation, which in practice was reduced to the "Russification" of the local population.

Key words: acculturation; legal acculturation; intercultural contact; Soviet culture; the Russian legal culture.

РАЗДЕЛ 2.

СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 37.013.42:351.74

РОЛЬ ОТДЕЛА ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ МВД РФ В ПРОФИЛАКТИКЕ АСОЦИАЛЬНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Карташев Н.В.

Московский государственный областной гуманитарный институт

Аннотация. В статье рассматриваются социально-педагогические функции диагностической и организационно-педагогической деятельности сотрудника по делам несовершеннолетних, позволяющие существенно расширить потенциал позитивного влияния данной работы на процесс и результат социализации подрастающего поколения.

Ключевые слова: асоциальность несовершеннолетних; педагогическая профилактика; институты социализации; социально-педагогическое взаимодействие.

Проблема, поднятая в данной статье, относится к трактовке гражданского общества с точки зрения теории антропоцентризма [1]. При этом гражданское общество в стране формируется тогда, когда каждый человек становится субъектом или претендует на то, чтобы стать субъектом социального процесса. Между тем анализ структуры и динамики асоциальности несовершеннолетних за последние годы дает основание прогнозировать в ближайшее время ее дальнейший рост. В основе действия криминогенных факторов социализации детей и подростков лежат глубинные процессы деформации экономики, образования, досуговой сферы, снижения воспитательного потенциала семьи и образовательных учреждений и другие, поразившие российское общество и вызвавшие обострение социальных проблем несовершеннолетних, нарастающие процессы дегуманизации и доминирования субкультуры (антикультуры) в жизни России.

В связи с перечисленными выше некоторыми негативными факторами процесса социализации подрастающего поколения, а также резким снижением воспитательных возможностей базовых институтов социализации (семьи, школы, учреждения дополнительного образования и других) происходит «вымывание» традиционно принятых в обществе нравственных ценностей. Данное обстоятельство привело к кризису ценностей в среде подрастающего поколения, актуализировало вопрос о поиске такой государственной политики в отношении подрастающего поколения, которая в условиях социальных рисков и угроз безопасности личности, общества и государства требует антропологического подхода к уточнению его сущности, содержания, функций.

Одним из субъектов реализации данного направления политики государства может с успехом выступать сотрудник отдела по делам несовершеннолетних Министерства внутренних дел РФ (ПДН МВД РФ). Однако существующий практический опыт деятельности сотрудников ПДН не всегда соответствует повышенным требованиям, предъявляемым современной практикой к существу профилактической деятельности.

Необходимым условием успешного функционирования сотрудника ПДН, ориентированного на профилактическую работу с девиантными несовершеннолетними, является его умение как субъекта социального, образовательного, семейного пространства диагностировать, анализировать существенные связи, тенденции, их индикаторы в потоке разнородных явлений. В этой связи целесообразно рассмотреть функции, введение которых в деятельность сотрудников ПДН усилит их профессиональный потенциал.

1. Образовательно-воспитательная функция связана с обеспечением целенаправленного педагогического влияния на поведение и деятельность детей и подростков, а также содействии социально-педагогической деятельности всех социальных институтов, находящихся в зоне влияния образовательного учреждения. При этом сотрудник ПДН должен быть ориентирован на стремление полноценно использовать интересы и возможности самого ребенка как активного субъекта саморазвития и самовоспитания.

2. Диагностическая функция связана с постановкой обоснованного социально-личностного диагноза подопечного ребенка, выявления его потенциальных возможностей в образовательном, семейном, социальном пространстве.

3. Организаторская функция направлена на усиление способности педагогов школ, учреждений дополнительного образования, родителей решать проблемы ребенка на субъект-субъектном уровне, осуществлять эффективную коммуникацию, достигая при этом искомых результатов путем разработки эффективных методов профилактики совместно с родителями, учреждениями образования, культуры, спорта, туризма.

4. Прогностическая, экспертная функция связана с прогнозированием и проектированием совместных программных действий сотрудника ПДН с семьей и образовательными учреждениями по формированию социально-ценных качеств личности ребенка.

5. Организационно-коммуникативная функция позволяет сотруднику ПДН ориентировать учителей, социальных педагогов, психологов, классных руководителей, педагогов дополнительного образования на социальную мобильность ребенка, его разнообразную самореализацию в различных управляемых социальных средах, что облегчает саморазвитие личности, социальную ценность индивидуального выбора, повышает эффективность участников социально-педагогического сопровождения ребенка налаживать тесные связи между различными социальными институтами.

6. Охранно-защитная функция позволяет повышать готовность и способность участников социально-педагогического сопровождения ребенка прийти ему на помощь в критической ситуации. В этом проявляется готовность и способность предостеречь ребенка от возможного психологического, социального стресса и создать более благоприятные условия для самостоятельного противостояния индивида различным негативным воздействиям и влияниям. Социально-педагогическая защита становится системой действий по разрешению проблем и конфликтов, по торможению и прекращению отрицательных воздействий окружения на личность. Кроме этого, данная функция помогает сотруднику ПДН не только использовать имеющийся арсенал правовых норм для защиты прав и интересов личности ребенка, но и формировать у последнего умение самостоятельно отстаивать собственные интересы, применяя нормативно-правовую базу, аргументировать собственную позицию, не затрагивая при этом прав и интересов других субъектов взаимодействия.

7. Коллективная социально-компенсаторная функция социально-педагогического сопровождения ребенка помогает в разработке и реализации комплекса дополнительных мер усиления профилактической деятельности сотрудника ПДН, способствующей минимизации негативных факторов социализации детей и подростков с девиантным поведением, стимулирует поиск как традиционных, так и нетрадиционных мер, усиливающих воспитательно-профилактическую составляющую его деятельности в различных социальных средах.

Путь к перспективной модели профилактической деятельности сотрудника ПДН лежит через гуманизацию и переосмысление сущности отношений между людьми, роли образования и воспитания в жизни человека, реалистического понимания функций и роли диагностики в его профессиональной деятельности. Современная человековедческая наука предлагает сотруднику ПДН не столько овладеть новыми перспективными формами, средствами, приемами, сколько найти индивидуальный способ их применения, соединения и гуманного сочетания в каждом конкретном случае. Данное обстоятельство актуализирует творчество субъектов образовательного и социального пространства в создании социально-

педагогических технологий, в отборе и возрождении способов, являющихся продуктивными в профилактике асоциальности несовершеннолетних.

Вышесказанное позволяет выделить следующие критерии готовности сотрудника ПДН к профилактической деятельности:

1. Наличие необходимой совокупности личностных, социальных и профессиональных знаний специалиста о гуманизированной профилактической деятельности.

2. Овладение видами, формами и методами профилактической работы, обогащающими личностное, социальное и профессиональное становление сотрудника ПДН.

3. Социальная зрелость сотрудника ПДН проявляется в его мотивированной готовности овладеть личностными, социальными и профессиональными знаниями о профилактической деятельности и стремлении реализовать их в своей практике.

Одним из базовых механизмов профилактики асоциальности детей и подростков выступает эффективный процесс воспитания ребенка в семье, образовательном учреждении и социуме. Проблема воспитания подрастающего поколения является в настоящее время одной из центральных социальных проблем России. Преобразования в социально-экономической и духовной жизни общества, сложные и противоречивые процессы демократизации его устоев с учетом перспектив становления гражданского общества оказались закономерно сопряженными с неэффективностью процесса воспитания [2]. Данное противоречие предопределяет возрастающую роль интеграции института ПДН с семьей, государственными институтами и общественными организациями в создании инновационных моделей их взаимодействия и создания комфортных морально-психологических условий для самореализации личности ребенка. Сегодня наметилась тенденция роста числа специалистов в области общей, социальной, коррекционной педагогики, общей и социальной психологии, социологии, права, медицины и валеологии, спорта и туризма, социально-культурной деятельности и других, работающих в профилированных государственных социальных службах. Поэтому взаимодействие сотрудника ПДН с семьями школьников, со специалистами разного профиля становится реальным и доступным в плане системной диагностики, разрешения образовательных, социокультурных, медико-социальных и иных актуальных проблем ребенка.

Однако современный сотрудник ПДН постоянно сталкивается с таким асоциальным явлением как попустительское отношение родителей к семейному воспитанию детей. Это приводит к утрате современной семьей сложившегося исторически своего высокого воспитательного статуса, недооценке детьми роли развивающе-воспитывающего досуга в формировании здорового образа жизни человека и другого. В рамках изучаемой проблематики целесообразно выделить некоторые негативные социальные тенденции, которые помогают получить более объективную характеристику реального семейно-воспитательного и образовательного процессов:

– значительная часть современных родителей утратила традиции семейного воспитания, сформированные предшествующими поколениями россиян;

– большой процент школьников Подмосковья растет в неполных семьях, или в семьях, где один из родителей не является родным, что негативно влияет на нравственную ценность семейных отношений;

– профессиональная занятость современных родителей часто приводит к их отчуждению от образовательных и социальных проблем ребенка;

– утрачена традиция образовательного учреждения осуществлять вмешательство в семейный воспитательный процесс «педагогически несостоятельных» родителей;

– сокращается количество доступных государственных досуговых институтов, осуществляющих формирование досуговых ценностей ребенка;

– дошкольные и школьные образовательные учреждения, учреждения дополнительного образования целенаправленно вводят разнообразные образовательные услуги на платной основе, которые не всегда доступны большому числу семей;

– наблюдается резкая стратификация населения по имущественным признакам, большая часть которых имеет недостаточный материальный уровень, что сказывается на

динамике роста «трудовой миграции родителей», характерной как для России в целом, так и для Подмосковья, поскольку сокращается их реальное досуговое время для проведения семейно-воспитательного процесса;

- становится все более заметной утрата большей частью населения национальных традиций семейного воспитания;

- отчужденное отношение многих родителей к психолого-педагогическому, социокультурному, медико-социальному и другим направлениям самообразования;

- ничем не оправдывается заниженная самооценка родителями своей роли в семейно-воспитательном и школьно-образовательном процессе;

- многие родители сознательно отказываются от субъект-субъектного взаимодействия со специалистами образовательных учреждений, что постепенно приводит первых к психолого- педагогической несостоятельности и растерянности, снижению роли семейной воспитательной функции и другому.

Вышеперечисленное приводит семью к постепенной утрате своего воспитательного потенциала, не способствует успешному семейному воспитанию и бесконтрольное отношение родителей к средствам массовой коммуникации, доступным детям, недооценке роли художественно-развивающего досуга ребенка и другое. Поэтому современная школа сталкивается с группами детей и подростков, проявляющих различные формы школьной и социальной дезадаптации. Педагогическая запущенность обуславливает особенности развития личности ребенка и характеризуется противоречивостью и дисгармоничностью: особенностью поведения, выражающегося в реакциях имитации или подражания отрицательным примерам, реакциях компенсации или замещения своей несостоятельности в деятельности и отношениях с окружающими, реакциях увлечения игрой или удовлетворением других положительных интересов и склонностей в неразумных пределах, реакциях приспособления или подчинения мнению других, лишения самостоятельности, насилия над личностью, неблагоприятной психологической обстановкой в семье, доминирующими эмоциональными состояниями негативного характера, дезорганизующими ребенка и делающими его «педагогически трудным» и другое.

Перечисленные признаки педагогической запущенности свидетельствуют о росте в образовательной среде числа дезадаптивных детей, которые не всегда находят для себя комфортную среду в формальных структурах образования, культуры, спорта и вынуждены актуализировать для себя неформальные объединения сверстников. В результате появляется детская и подростковая субкультуры как пространство сообщества, в которое включен ребенок. Субкультура складывается как совокупность языковых форм, смыслов, установок, способов общения, манер поведения, характерных для таких сообществ в конкретно-исторической ситуации [3]. Отсутствие педагогического контроля в детско-подростковых субкультурах со стороны семьи и школы приводит к тому, что дети часто становятся «жертвами» стихийно развивающейся детско-юношеской субкультуры, успешно овладевают преимущественно субкультурными нормами, что приводит к таким антисоциальным явлениям, как неуспешность в учебе, непосещение учреждений дополнительного образования, правовой нигилизм, стихийно-досуговые субкультурные развлечения, включая приобщение к спиртным напиткам, курение, наркоманию и другое.

Кроме этого, сотрудник ПДН часто может сталкиваться с тем, что социально-педагогическая и профилактическая работа с семьями в современных условиях осложняется целым рядом причин социально-экономического и этического порядков. Например, общественное мнение значительной части общества оказывается под воздействием средств массовой информации и все больше приобретает симпатии к ценностям, адекватным кризисному этапу развития государства, среди которых выделяются индивидуализм, физическая сила, роскошь, агрессивность, мистика, секс, вредные привычки и другое. А растущая национальная и социальная разобщенность россиян приводит к ослаблению социальных общинных форм воспитания детей. В результате в обществе чрезвычайно растет число «неблагополучных», «педагогически несостоятельных» семей, проблемы которых можно условно классифицировать на социально-правовые, медицинские, психологические,

социокультурные, педагогические и другие. При этом было бы неправильно абсолютизировать какой-то один вид проблем, поскольку все они взаимосвязаны, взаимообусловлены.

Поэтому сотрудник ПДН, базируясь на антропологической основе, с успехом может использовать достижения всех других человековедческих наук. Опираясь на интеграционный потенциал, он вместе с социальными педагогами и психологами образовательных учреждений [4], профильных центров системно диагностирует проблему, проектирует и моделирует технологию раннего «педагогического вмешательства» в процесс социализации ребенка. В современных образовательных учреждениях можно наблюдать доминирование традиционных подходов к организации работы с семьями в форме информационных родительских собраний, что не отвечает потребностям всего родительского сообщества. Поэтому такая работа является достаточной не для всех родителей. Современные родители нуждаются в разнообразных человековедческих знаниях: педагогических, психологических, сексологических, медицинских, юридических, экономических, социокультурных и других. Именно системность человековедческих знаний дает родителям возможность повышать свой семейно-воспитательный потенциал. Это сегодня становится актуальным, потому что современные родители не всегда бывают компетентны в создании гармоничных отношений с детьми, не всегда готовы участвовать совместно с ребенком в выборе социально-ценного стиля жизни, нормы поведения, базирующихся не на детских субкультурных представлениях, а на общечеловеческих ценностях.

Поэтому перед сотрудником ПДН, семьей и образовательным учреждением как ведущими институтами социализации стоит проблема согласованного взаимодействия и взаимопонимания в вопросах воспитания, обучения, образования и развития ребенка. При этом взаимодействие представляет собой согласованную деятельность субъектов воспитательного процесса по достижению совместных целей и результатов, по решению участниками значимой для них проблемы или задачи. Эта связь лежит в основе понимания педагогической значимости социального взаимодействия как процесса взаимосвязанных и взаимообусловленных между собой социальных действий его участников. Основу социального взаимодействия составляют обмен коммуникациями, эмоциональными состояниями, действиями, а также субъект-субъектное восприятие человека человеком и взаимовлияние. При этом взаимодействие как целенаправленный процесс не может протекать без взаимопонимания между его участниками.

Взаимопонимание всегда выступает искомым механизмом взаимоотношений, позволяющим достигнуть целей совместной деятельности, которая максимально способствует сближению ценностных позиций всем участникам образовательного процесса: ученикам и учителю, ученикам и классному руководителю, учителям, классным руководителям, учителям и родителям, классным руководителям и родителям, учителям и администрации образовательного учреждения, родителям и администрации образовательного учреждения.

Современное школьное образование не может не решать оптимально проблемы в работе с детьми и семьями «группы» риска. Согласно статистическим данным, в стране значительный процент семей распадается. В общеобразовательных учреждениях растет процент детей, растущих в неполных семьях. Занятость родителей, их заботы о хлебе насущном привели к отчуждению от проблем детей, в том числе и от проблем, касающихся воспитания семьянина. В этих условиях нравственная ценность семейных отношений часто ребенком не ощущается. Особая трудность семейного воспитания обнаруживается в социуме, в котором в полной мере коррелирует опосредованная связь роста «зон риска» со снижением воспитательной роли семьи, остро актуализируются вопросы стратегии и тактики помощи родителям в вопросах семейного воспитания. Необходим переход на помощь родителям в форме их психолого-педагогического и социально-педагогического просвещения. Кризисные явления в семейной жизни (нестабильность социально-экономического положения, рост тревожности и агрессивности, проявление насилия по

отношению к детям, влияние «трудовой миграции» (большой части родителей Подмоскovie на процесс семейного воспитания детей и другое) часто приводят к педагогической разобщенности родителей и педагогов, к отсутствию партнерского взаимодействия семьи с образовательным учреждением. Сам термин партнерства понимается как понятие, обозначающее систему взаимодействия и взаимоотношений, организованных на принципах равенства, добровольности, равнозначности и дополнительности участников образовательного процесса. При этом необходимо понимание того, что прошлый субъектный опыт педагогов и родителей может быть различным, однако ситуация партнерства в образовательном учреждении и окружающей среде уравнивает обе стороны, приводит к ситуации совместного и результативного поиска, свободного выбора жизненного пути ребенка и принятия им жизненно важных решений.

Другим важным принципом партнерства является добровольность, реализуемая в процессе приобретения личностных мотивов в воспитательной деятельности и во взаимодействии, ориентированная на личностное развитие и направленность личностного потенциала каждого партнера на реализацию совместно найденных смыслов. Добровольность в партнерских отношениях означает сознательный, максимально продуктивный и бескорыстный вклад партнера в общую образовательно-воспитательную деятельность.

Таким образом, в современном российском обществе чрезвычайно возрастает роль отдела по делам несовершеннолетних МВД РФ в профилактике асоциальности несовершеннолетних. Благодаря социально-педагогическим функциям, диагностической и организационно-педагогической деятельности сотрудник ПДН может существенно увеличивать совокупный потенциал своего позитивного влияния на процесс и результат социализации подрастающего поколения, актуализировать институциональный и межинституциональный механизм коррекции процесса социализации детей России.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тоценко Ж.Т.* Новые идеи в социологии // Знание. Понимание. Умение. – М.: Московский гуманитарный университет. – 2006. – № 3. – С. 48-49.
2. *Мудрик А.В.* Социальная педагогика: учеб. для студ. пед. вузов / под ред. Слостенина В.А. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Академия, 2000. – 200 с.
3. Новые ценности образования: тезаурус для учителей и школьных психологов / редактор-сост. Крылова Н.Б. – М.: Институт педагогических инноваций РАО, 1995.
4. *Овчарова Р.В.* Психологическое сопровождение родительства. – М.: Изд-во ин-та психотерапии, 2006. – 352 с.

Summary

THE ROLE OF THE DEPARTMENT OF JUVENILE OF THE INTERIOR MINISTRY OF RUSSIA IN THE PREVENTION OF ASOCIAL BEHAVIOR OF MINORS

N.V. Kartashev

Moscow State Regional Institute of Humanities

Abstract. This article examines the socio-pedagogical functions of diagnostic and organizational and pedagogical activity of juvenile officer to significantly expand the potential positive impact of this work on the process and the result of the socialization of the younger generation .

Key words: juvenile asocial; pedagogical prevention; institutions of socialization; social and pedagogical interaction.

НЕКОТОРЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ ОТ ПРОЯВЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИЗМА

Коваленко Н.А.

Кандидат социологических наук, г. Москва

Аннотация. В статье кратко обозначаются характеристики личности, которые могут влиять как на проявления экстремистского характера, так и на жизнь индивида, подвергнувшегося экстремистскому воздействию. Обращено внимание на относительную устойчивость личности к экстремизму, имеющую следующие характеристики: устойчивое эмоциональное поведение, развитый инстинкт самосохранения и самосохранительное поведение.

Ключевые слова: безопасность личности; социально-психологические характеристики личности; защита от экстремизма; последствия экстремизма.

Подвергнуться тому или иному воздействию экстремизма может каждый, независимо от пола, возраста, профессии и так далее. Задача специалистов минимизировать степень вовлеченности граждан в экстремистскую деятельность, а также снизить негативные проявления от действий преступников, совершающих акты экстремизма. Безусловно, задачи разные, но для их решения можно определить общие черты для безопасности личности социально-психологического характера.

Социальный феномен безопасности личности понимается как явление общественной жизни, продукт проявления сознательного взаимодействия людей. Для каждой конкретной личности *безопасность может быть только относительной*. И это очень важный момент. Психологическая наука дает нам возможность это понять, учитывать субъективные факторы восприятия собственной безопасности. Ведь защищенность личности с точки зрения власти и количества экстремистских актов может быть минимальной, однако человек может чувствовать себя при этом незащищенным.

Положительные или позитивные характеристики личности играют значительную роль в защищенности личности от экстремизма, они существуют объективно. Такие качества формируются в процессе жизнедеятельности человека. Среди них можно выделить:

– **устойчивое эмоциональное состояние**, которое очень важно для психологической защищенности личности. Такое состояние формируется как внутренними психологическими процессами, так и внешними воздействиями. Немаловажную роль играет ближайшее окружение человека, среда, в которой он проводит много времени. Например, студенческая группа, изучающая культуры разных стран, имеющая позитивную общественную направленность и группа, борющаяся с мигрантами незаконными и деструктивными методами, будут оказывать различное влияние на состояние личности.

– **инстинкт самосохранения** один из базовых инстинктов человека. Однако по мере того, как складывались социально-управленческие отношения в обществе, часть функций по обеспечению безопасности были переданы «другим людям». Таким образом, защиту стали обеспечивать социальные институты. Среди них семья, органы местного управления, ведомства внутренних дел, государство, различные союзы на международном уровне. Ответственность за свою безопасность отодвинулась на второй план. «Полиция нас защищает», «армия нас бережет». Целесообразно актуализировать этот инстинкт через институты образования.

– **самосохранительное поведение** во многом действует только на бытовом уровне, в ближайшем окружении и то, по факту происходящего. Важна стратегия поведения каждой личности в условиях множественных угроз. Что это должна быть за стратегия? Как она должна проявляться? В общем и целом, на мой взгляд, стратегия самосохранения или

безопасного поведения может выражаться в системе действий и отношений, направленных на сохранение здоровья, имущества, информации. Безопасность должна стать осязаемой, экзистенциальной ценностью, которая предопределяет поведение личности.

Если попробовать классифицировать безопасное или самосохранительное поведение, то можно выделить следующие его виды:

1. Превентивное поведение. Оно характеризуется эпизодическими или систематическими действиями, направленными на устранение или минимизацию рисков, связанных с оценкой личностью условий труда, быта и территории проживания.

2. Пассивное поведение характеризуется наличием в жизнедеятельности личности осознаваемых рисков, в отношении которых человек ничего не предпринимает.

3. Контролирующее поведение. При нем человек контролирует ситуацию в окружении и в мире, предпринимает активные действия по укреплению личной безопасности.

4. Реактивное поведение, связанное с возникновением экстремальных ситуаций, имеет множественные формы.

Отрицательные или негативные характеристики, также существуют объективно, но формируются в большинстве своем деструктивными общественными и иногда психопатологическими процессами.

– **маргинализация личности** – фактор, способствующий росту экстремизма и терроризма. Такие социальные проблемы, как алкоголизм и наркомания опустошают человека, увеличивают его агрессивность и делают уязвимым для идеологии криминальной и экстремистской среды.

– **снижение критичности мышления** – принятие идей на веру, гиперболизация значимости «борьбы» деструктивными методами, недостаточность логического анализа и так далее. Высокий уровень подверженности влиянию социально значимых авторитетов и среды и другое. Причем, не всегда общепринятых и положительных.

– **несформированность четкой гражданской позиции.** При всестороннем обучении: целенаправленном (школа, вузы и так далее), жизненном (опыт), молодежь подвержена внешним влияниям, сменой позиции, озарениями о других позициях и так далее. В этот момент важно предоставить молодежи выбор, насколько можно оградив от экстремистских и радикальных насильственных воззрений.

– **пассивное поведение**, которое при первом приближении может показаться нейтральным по отношению к обеспечению личной безопасности, однако давайте поразмыслим – так ли это.

Не вполне включенные в общественные процессы люди могут находиться в состоянии напряжения, тревожности, отчужденности. Некоторые исследователи [2], считают, что такие свойства личности, как тревожность и социальная отчужденность могут даже порождать преступное поведение. Так, психологическое отчуждение личности ведет к неприятию норм и ценностей, безразличию социальной оценки своего поведения, замкнутости в контактах и так далее. Такое отчуждение от социальной среды зачастую приводит к принятию личностью преступной среды, идентификации с ней. «В психологическом плане результат терроризма – это утрата людьми уверенности в завтрашнем дне, хаотичность сознания, иррациональное состояние психики, деструкция привычного, нормативного, «регулярного» поведения» [1, с. 186]. К тому же пассивное поведение зачастую приводит к виктимности или выученной беспомощности личности. Автор теории выученной беспомощности М. Селигман определяет беспомощность как состояние, когда человеку кажется, что внешние события от него не зависят, и он ничего не может сделать, чтобы их предотвратить или изменить [2]. Человек не обязательно должен участвовать в неконтролируемых событиях, чтобы научиться беспомощному поведению, он может научиться беспомощности, если просто наблюдает за беспомощностью других. Таким образом, безопасность личности, подверженной процессам виктимности, нуждается в особом контроле, как с точки зрения обеспечения безопасности от терроризма и экстремизма, так и с большой вероятностью деструктивного включения в эти процессы.

В перерывах между экстремистскими воздействиями личность находится в непрерывном круге событий, так или иначе связанных с безопасностью. Когда люди во многом одобряют и принимают ту систему или среду, в которой они живут, то они с большим неприятием и отторжением относятся к экстремистам и террористически настроенным личностям и группам. Положительный опыт взаимодействия с государственными и муниципальными органами власти способствует проявлению гражданской активности.

Обозначенные социально-психологические характеристики безопасности личности от терроризма и экстремизма можно учитывать при выработке рекомендаций для совершенствования системы обеспечения защиты, как отдельных граждан, общества, так и государства в целом. А чтобы защитить граждан от проявлений экстремизма, необходимо сформировать стойкий иммунитет к террористическим проявлениям, снижению возможного общественного резонанса, панических настроений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антитеррор. Комплексный подход / под общ. ред. БА Мыльников. Сост. и научн. редактор В.Е. Петрищев./ Антитеррористический центр государств – участников Содружества Независимых Государств – М., 2006.
2. *Малкина-Пых И.Г.* Психология поведения жертвы. – М.: Эксмо, 2006. – 1008 с.: ил. – (Справочник практического психолога).

Summary

SOME SOCIO-PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE SECURITY OF A PERSON FROM THE MANIFESTATION OF EXTREMISM

Kovalenko N.A.

Candidate of sociological Sciences, Moscow

Abstract. The article briefly denoted personality characteristics that may affect both the manifestations of an extremist nature, and the life of the individual who has been exposed to extremist. Attention is paid to the relative stability of personality to extremism, having the following characteristics: a stable emotional behavior, developed instinct for self-preservation and self-preservation behavior.

Key words: personal security; socio-psychological characteristics of the individual; protection against extremism; the consequences of extremism.

ГРАЖДАНСКОЕ ВОСПИТАНИЕ В РОССИИ

Щербакова О.И.

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Аннотация. Автором представлено описание сущности государственных программ по патриотическому воспитанию граждан в России. Особое внимание обращается на мероприятия, которые позволяют осуществить гражданское воспитание образовательными учреждениями, детскими и молодежными организациями, в рамках которых происходит духовно-нравственное становление детей и молодежи, подготовка их к самостоятельной жизни. Также в статье представлен анализ целей и ценностей стратегии развития воспитания для упрочения общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа Российской Федерации (Российской нации) в Российской Федерации на 2015–2025 годы и отмечены недостатки в системе гражданского воспитания в России.

Ключевые слова: воспитательный идеал; патриотизм; формирование патриотизма; программы воспитания патриотизма; формы и методы патриотического воспитания; стимулирование проявления патриотизма; национальные ценности Российского общества; свободный ответственный гражданин; недостатки в системе гражданского воспитания; причины неопределенности и невыраженности базовой системы ценностных ориентиров граждан.

Воспитание ориентировано на достижение определённого идеала, то есть образа человека, имеющего приоритетное значение для общества в конкретно-исторических социокультурных условиях.

В средневековой Руси воспитательный идеал был укоренен в религии и представлен для православных христиан, прежде всего в образе Иисуса Христа. Православная церковь направляла и объединяла деятельность семьи, народа и государства в общем пространстве религиозного, духовно-нравственного воспитания. Православная вера была одним из важных факторов, обеспечивающих духовное единство народа.

В XVIII в. Россия стала империей, сила которой заключалась в централизации и концентрации государственной власти в руках правящего монарха – императора. Государство возвышалось над церковью, был сформулирован новый воспитательный идеал – «человек государственный, слуга царю и Отечеству». Образовательная система стала ориентироваться на задачи подготовки профессиональных кадров для государственных нужд. «Всяческое беззаветное служение на благо и на силу Отечества, – утверждал М.В. Ломоносов, – должно быть мерилom жизненного смысла» [3].

Главным в воспитании стало формирование человека-патриота, отличающегося высокой нравственностью, любовью к науке, трудолюбием, служением России. Для императорской России был характерен идеал полезного государству и Отечеству гражданина.

В советский период государство обрело всю полноту власти над гражданином и его частной жизнью. Спектр жизненных смыслов был сжат до веры в коммунизм и служения коммунистической партии.

Вместе с тем советская эпоха в отечественной истории сформировала высокий педагогический идеал – воспитание всесторонне развитой личности, дала примеры массового патриотизма, героического служения, вплоть до самопожертвования, во имя будущего своей страны и своего народа.

В 90-е гг. XX в. в России был сформирован идеал свободной в своем самоопределении и развитии личности, «освобождённой» от ценностей, национальных традиций, обязательств перед обществом.

Воспитание детей и молодежи в современном российском обществе осуществлялось в условиях экономического и политического реформирования, в ходе которого существенно изменились положение подрастающего поколения, принципы функционирования образовательных учреждений, молодежных объединений и организаций, средств массовой информации. Происходящие процессы выдвинули ряд важных, качественно новых задач по созданию суверенного, экономически развитого, цивилизованного, демократического государства, обеспечивающего конституционные свободы, права и обязанности его граждан с полной гарантией их правовой и социальной защищенности. Это предполагает необходимость формирования у граждан и прежде всего у подрастающего поколения высоких нравственных, морально-психологических и этических качеств, среди которых важное значение имеют патриотизм, гражданственность, ответственность за судьбу Отечества и готовность к его защите.

В связи с этим значительно возросла роль образовательных учреждений, детских и молодежных организаций, в рамках которых происходит духовно-нравственное становление детей и молодежи, подготовка их к самостоятельной жизни.

Многие мыслители и педагоги прошлого, раскрывая роль патриотизма в процессе личностного становления человека, указывали на их многостороннее формирующее влияние. Так, например, К.Д. Ушинский считал, что патриотизм является не только важной задачей воспитания, но и могучим педагогическим средством: «Как нет человека без самолюбия, так нет человека без любви к отечеству, и эта любовь дает воспитанию верный ключ к сердцу человека и могущественную опору для борьбы с его дурными природными, личными, семейными и родовыми наклонностями».

В России имеется ряд государственных программ по гражданскому воспитанию молодежи. Программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 годы» является продолжением таких программ, как «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 годы» и «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006–2010 годы» [1].

Патриотизм призван дать новый импульс духовному оздоровлению народа, формированию в России единого гражданского общества. На личностном уровне патриотизм выступает как важнейшая, устойчивая характеристика человека, выражающаяся в его мировоззрении, нравственных идеалах, нормах поведения. На макроуровне патриотизм представляет собой значимую часть общественного сознания, проявляющуюся в коллективных настроениях, чувствах, оценках в отношении к своему народу, его образу жизни, истории, культуре, государству, системе основополагающих ценностей. Патриотизм проявляется в поступках и в деятельности человека. Патриотизм – это сознательно и добровольно принимаемая позиция граждан, в которой приоритет общественного, государственного выступает не ограничением, а стимулом индивидуальной свободы и условием всестороннего развития гражданского общества. Патриотизм как социальное явление – цементирующая основа существования и развития любых наций и государственности. Недооценка патриотизма как важнейшей составляющей общественного сознания приводит к ослаблению социально-экономических, духовных и культурных основ развития общества и государства. Этим и определяется приоритетность патриотического воспитания в общей системе воспитания граждан России.

Несмотря на трансформационные изменения, Россия относится в большей степени к традиционному обществу. Для нее характерно ориентирование на национальные ценности, воплощаемые прежде всего в человеческой духовности, всестороннее развитой личности, полноценной семье и здоровом образе жизни.

Родители, род, Родина, народ – не случайно однокоренные слова. Это своеобразная формула гражданского патриотизма, в основе которой лежат чувства Родины, родства, укорененности в ментальной культуре, сопричастности к иному, к миру других,

ответственности и солидарности, любви, которая обусловлена на уровне инстинктов. Она обязательна: мы не выбираем родителей, детей, Родину, место своего рождения. Родина наделяет человека родственниками, верой, любовью, надеждой, совестью и нравственностью.

Государство, региональные координационные Советы и Центры патриотического воспитания совершенствуют организацию патриотического воспитания. Возросли уровень и эффективность проведения фестивалей художественного творчества, конкурсов, выставок и состязаний. Для проведения мероприятий патриотической направленности используется потенциал Центров традиционной народной культуры, театров, библиотек и музеев.

Общий объем финансирования Программы в 2011–2015 годах составил 777,2 млн. рублей, в том числе 596,75 млн. рублей за счет средств федерального бюджета и 180,45 млн. рублей за счет средств внебюджетных источников, выделяемых из фондов творческих Союзов, организаций культуры, спортивных и других организаций, участвующих в патриотическом воспитании, а также средств юридических и физических лиц, поступающих в порядке безвозмездной помощи, шефства и спонсорства.

В таблице 1 представлены средства, выделяемые на проведение мероприятий по воспитанию патриотизма только одним из Министерств России.

Таблица 1. Средства федерального бюджета, направляемые исполнителями мероприятий на реализацию государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 годы»
(млн. рублей)

Федеральные органы исполнительной власти	2011 год	2012 год	2013 год	2014 год	2015 год	Итого
Министерство образования и науки России	16,5	14,8	16,5	16,3	16,3	80,4

Например, в рамках мероприятий по реализации этой программы были проведены научно-исследовательские и творческие работы молодых ученых при проведении Плехановских чтений в Российском Экономическом университете. Студенты нашего университета представили свои проекты, в которых отразили архивные данные по своим родным, преподавателям университета, которые участвовали во Второй Мировой войне, защищая отечество и освобождая страны Европы от фашизма. Это мероприятие, направленное на воспитание молодежи на основе славных событий истории страны. Подобные конкурсы проводятся в нашей стране, как в средних школах, так и на высших уровнях образования.

Также внедряются передовые формы и методы патриотического воспитания в систему образования. На это направлено проведение среди педагогов Всероссийских конкурсов методических пособий «Растим патриотов России».

В целях обмена опытом, работы по патриотическому воспитанию детей и молодежи проводились

– Всероссийские семинары-практикумы для руководителей детских и молодежных общественных объединений на тему: «Патриотическое воспитание подростков: особенности, опыт, проблемы»;

– семинары-совещания с руководителями образовательных учреждений на тему: «Организация работы по патриотическому воспитанию в системе образования: инновационные подходы и технологии»;

– семинары-совещания с организаторами поисковой работы на тему: «Организация поисковой работы в образовательных учреждениях»;

– совещания с руководителями музеев образовательных учреждений на тему: «Организация музейной работы в образовательных учреждениях».

По воспитанию заботливого, бережного отношения к старшему поколению россиян, формированию активной гражданской позиции и профессиональной преемственности в трудовых коллективах ведущих отраслей экономики проводятся встречи ветеранов ведущих отраслей экономики с молодыми специалистами, оказывается помощь ветеранам и вдовам погибших и умерших участников Великой Отечественной войны, локальных войн и конфликтов.

Для стимулирования проявления патриотизма в служебной, военной, трудовой и общественной деятельности граждан России проводится награждение за личный большой вклад в работу по патриотическому воспитанию, проявление патриотизма памятной медалью «Патриот России», для награждения за большой вклад в развитие системы патриотического воспитания граждан России имеется почетный знак «За активную работу по патриотическому воспитанию граждан Российской Федерации».

На телевидении и в средствах массовой коммуникации по проблемам патриотического воспитания ежегодно проводятся встречи с учеными, представителями культуры и искусства, творческих союзов, педагогами, ветеранами труда, войны и военной службы, показываются видеоматериалы о городах воинской славы России с целью формирования у граждан Российской Федерации чувства гордости за свою страну, свой народ и его историю.

Для укрепления дружбы народов, воспитание чувства интернационализма, толерантности и уважения к различным культурам и традициям, а также сохранения исторической памяти о победе советского народа над фашизмом проводятся фестивали, конкурсы и выставки:

- Международный фестиваль городов-побратимов «Земля – наш общий дом»;
- фестивали исполнителей патриотической песни из городов-героев и городов, удостоенных звания «Город воинской славы», стран-участниц СНГ и стран антигитлеровской коалиции «И помнит мир спасенный»;
- Всероссийский смотр-конкурс студенческих работ «Великая Отечественная война в судьбе моей семьи»;
- Всероссийские молодежно-патриотические акции «Георгиевская ленточка» под девизом «Мы помним, мы гордимся»;
- Всероссийские автопробеги «В судьбе России – моя судьба!» спортсменов-автолюбителей по городам-героям и городам, удостоенным звания «Город воинской славы»;
- Всероссийские фестивали-конкурсы патриотической песни «Я люблю тебя, Россия»;
- Всероссийский фестиваль семейного творчества «Крепка семья – крепка Россия» и тому подобные.

В России также имеется «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации (2015–2025)».

Определяющими для стратегии служат положения об инновационном развитии страны, которые изложены в Концепции социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г., государственной национальной политики РФ на период до 2025 года, утверждающая упрочение общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа Российской Федерации (Российской нации).

Цель Стратегии – развитие в период до 2025 г. государственно-общественной системы воспитания Российской Федерации, обеспечивающей формирование российской гражданской идентичности, консолидацию общества, укрепление моральных основ общественной жизни, успешную социализацию детей, свободное духовно-нравственное развитие каждого гражданина, его самоопределение в мире нравственных ценностей, духовных и культурных традиций многонационального народа Российской Федерации, межкультурного понимания и уважения, осознания своей человеческой общности, ответственности за сохранение мира на Земле, совершенствование мира вокруг себя.

Основа Стратегии – базовые национальные ценности Российского общества, закрепленные Конституцией Российской Федерации:

- патриотизм – любовь к России, своему народу, своей малой Родине, служение Отечеству;
- социальная солидарность – свобода личная и национальная, доверие к людям, институтам государства и гражданского общества, справедливость, милосердие, честь, достоинство;
- гражданственность – служение Отечеству, правовое государство, гражданское общество, закон и правопорядок, поликультурный мир, свобода совести и вероисповедания;
- семья – любовь и верность, здоровье, достаток, уважение к родителям, забота о старших и младших, забота о продолжении рода;
- здоровье – здоровый образ жизни, здоровье физическое, социально-психологическое и духовное, физическая культура и спорт;
- образование – знание, компетентность, самоопределение и самореализация в образовании, накопление человеческого капитала, образование в течение всей жизни;
- труд и творчество – уважение к труду, творчество и созидание, целеустремленность и настойчивость, развитие человеческого капитала;
- наука – ценность знания, стремление к истине, научная картина мира;
- традиционные российские религии – представления о вере, духовности, религиозной жизни человека, религиозное мировоззрение как часть сложной картины мира современного человека, толерантность, формируемая на основе межконфессионального диалога;
- искусство и литература – красота, гармония, духовный мир человека, нравственный выбор, смысл жизни, эстетическое развитие, этическое развитие;
- человечество – мир во всем мире, многообразие культур и народов, прогресс человечества, международное сотрудничество;
- природа – эволюция, родная земля, заповедная природа, планета Земля, экологическое сознание.

Идеальной целью воспитания в цивилизованном демократическом обществе в информационную эпоху является воспитание свободного ответственного гражданина, получение и усвоение информации которым невозможно представить без интернет-пространства.

Свободный ответственный гражданин – это человек, обладающий внутренней свободой, который осознает себя хозяином судьбы и поступает в соответствии с принятыми им принципами жизни, выбор которых он делает самостоятельно. Он должен осознавать свою неповторимость, индивидуальность и в соответствии с этим искать свою нишу в условиях реального существования.

Свободный ответственный гражданин имеет духовно-нравственную основу существования. Поскольку доминирующие нравственные ценности и регламентируют его взаимодействие с окружающей средой и стимулируют его активность.

На сегодняшний день уже создана Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан России на 2016–2020 годы». Госпрограмма будет стоить 1,946 млрд руб., из них 1,768 млрд – из федерального бюджета, 178 млн руб. – за счет средств внебюджетных источников. В принятом бюджете на плановый период 2016 и 2017 годов Госпрограмма пока не значится, но на мероприятия по патриотическому воспитанию в рамках различных подпрограмм запланировано выделить примерно по 55 млн. руб. на каждый год [2].

Но нельзя не отметить и недостатки в системе гражданского воспитания в России. Неопределенность и невыраженность базовой системы ценностных ориентиров, которые объединяют россиян в единую историческо-культурную и социальную общность, недоверие многих людей друг к другу, обществу, бизнесу и государству, сложившееся в 90-е гг., неверие в себя, приводят к тому, что Россия даже в глазах значительной части своих граждан не является привлекательной для жизни страной. По данным Института социологии РАН, часто отождествляют себя с россиянами 35% респондентов, 50% – иногда, 15% имеют отрицательную гражданскую идентичность [1]. До сих пор многие россияне в полной мере

не ощущают себя гражданами России, то есть не обладают полноценной российской идентичностью, а каждый шестой относится к своей стране негативно.

Одна из причин такого положения в том, что не завершен процесс формирования системы общенациональных ценностей и приоритетов. В обществе ощущается недостаток сознательно принимаемых большинством граждан принципов и правил жизни, недостает согласия в вопросах корректного и конструктивного социального поведения. Есть сильное государство, но пока нет общеразделяемого представления о едином российском народе, сплоченном чувством патриотизма, укорененном в национальной истории, культуре, нравственности, имеющем общий идеал будущего.

Все предыдущие госпрограммы патриотического воспитания не дали результатов, констатируется в документе Росмолодежи, – патриотизм не стал «объединяющей основой российского общества» и компонентом «общенациональной идеи». Уровень патриотического сознания россиян низок из-за «девальвации важнейших социальных ценностей», «частичного разрушения мировоззренческих основ», «снижения эффективности воспитательной деятельности» в семье, а также из-за «попыток очернения и не до конца объективного изложения отечественной истории. Отрицательно влияет на граждан «деградация преемственности поколений» из-за «снижения общего культурного уровня населения» и «насаждения через СМИ чуждых российскому обществу идей и принципов взаимоотношений между людьми».

С 2001 года в России началось построение новой системы патриотического воспитания. За эти годы были заложены его основы. Государство и власть на местах всячески поддерживают и пропагандируют патриотическое воспитание современной молодежи.

Многовековая история наших народов свидетельствует, что без патриотизма невозможно создать сильную державу, невозможно привить людям понимание их гражданского долга и уважения к закону. Поэтому патриотическое воспитание всегда и везде рассматривается как фактор консолидации всего общества, является источником и средством духовного, политического и экономического возрождения страны, ее государственной целостности и безопасности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 годы». Постановление Правительства РФ от 06.10.2011 N 823, от 17.01.2013 N 13.
2. Проект Государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016-2020 годы».
3. Ломоносов М.В. Для пользы общества. – М., 1990. – С. 42.

Summary

CIVIC EDUCATION IN RUSSIA

Scherbakova O.I.

Russian economic G. V. Plekhanov's University

Abstract. The Author describes the essence of the state program of Patriotic education of citizens in Russia. Particular attention is drawn to those activities that allow civic education educational institutions, children's and youth organizations, within which there is spiritual and moral formation of children and youth, preparing them for independent life. The paper also presents an analysis of the purposes and values of the development strategy of education for strengthening Russian

civil consciousness and spiritual community of the multinational people of the Russian Federation (the Russian nation) in the Russian Federation in 2015–2025 and the deficiencies noted in the system of civic education in Russia.

Key words: educational ideal; patriotism, the formation of patriotism; program development patriotism; forms and methods of Patriotic education; promotion manifestations of patriotism; national values of the Russian society of free and responsible citizen; shortcomings in the system of civic education; the causes of uncertainty and averageness basic system of values of the citizens.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОТЕСТЫ В БОЛГАРИИ В НАЧАЛЕ 2013 ГОДА И ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ ЭКСТРЕМИЗМА

Янакиев Янко Антонов

Болгарская ассоциация конфликтологов

Аннотация. Статья посвящена анализу событий, связанных с политическим кризисом в Болгарии в 2013 году: рассматриваются причины социальных протестов, современное состояние болгарского общества и возможные пути преодоления политического и экономического кризиса в стране.

Ключевые слова: Болгария; социально-экономический кризис; массовые протесты.

Суть протестов

Корни политического кризиса в Болгарии в начале 2013 года – это бедность и отчаяние. Экономическое положение критически большой группы людей довольно плохое в длительном периоде времени при исключительно слабых перспективах скорого улучшения. Терпение людей исчерпано ввиду высокой безработицы, низких доходов и непосильных цен, как и обязательств к банкам за кредиты, выделенные в период экономического роста.

Критическим моментом народного недовольства в Болгарии является тот, когда люди получили счета на электроэнергию за декабрь 2012 г., которые для них были непосильными. Бесспорно, народный гнев, выразившийся в массовых протестах, был справедлив. В такой ситуации большинство протестующих людей считает, что им нечего терять и покажется хорошим любое изменение.

Одним из феноменов этих протестов были многочисленные группы и их лидеры, которые определялись конкретными требованиями. Общее то, что протестующие, независимо от организаторов, были единодушны, что политики врут, министры воруют, электрораспределительные предприятия высасывают их зарплаты, теплофикационные предприятия выдают им «смертный приказ», монополии наносят вред, государство непутевое, а доходы мизерные. В городе Варне, где были самые массовые протесты, недовольство людей было направлено против экономической группировки ТИМ, которая контролирует управление города. Важным моментом было то, что Пламен Горанов поджог себя, и это вызвало широкую общественную реакцию.

19.02.2013 г. в Софии напряжение между правоохранительными органами и протестующими вызвало эскалацию и привело к столкновениям, в которых были и раненые, и арестованные. Эти проявления насилия привели к отставке правоцентристского консервативного 87-го правительства Болгарии. Подавая в отставку, Премьер-министр кабинета министров, Бойко Борисов, отметил перед депутатами от Народного собрания как мотив, что «власть ему дал народ и после пролития крови на площадях и улицах в Софии и других городах в стране правительство возвращает эту власть своему суверенному».

Отставка не привела к снижению общественного напряжения, и протесты людей продолжились как недовольство против монополии и направились к политической системе, чтобы она изменилась. В этот раз противопоставление было тоже на экономической основе между политической элитой, рожденной во время перехода, и народом, пострадавшим во время перехода. Кульминационным моментом массовых протестов был национальный праздник, когда тысячи людей со всей страны вышли на протест. За небольшой период даже были заблокированы международная трасса E79 в районах городов Благоевград, Дупница и Враца и международная трасса E-80 в районе города Хасково.

Учитывая создавшуюся ситуацию высокого общественного напряжения и недоверия граждан к государственным органам, отставка правительства, роспуск парламента и

назначение досрочных парламентских выборов предотвратили эскалацию конфликта и его переход в фазу гражданского неподчинения и уличного экстремизма. Положительным в предпринятых политических действиях было то, что экстремистские проявления охладели. Большинство людей не превратились в толпу. Обошлось без охлократии, власти толпы, самой опасной власти, которую знает история.

Разноязычие, некомпетентность, экзотические идеи сопутствовали этим народным протестам. Того, чего не хватало, это объективная самооценка протестующих людей. Были указаны партии, добравшиеся до власти, в качестве виноватых во всех постигших нас бедах. Но кто их выбрал? Неужели парламент – зеркало, в которое нужно вглядываться и узнать себя?

Вопрос, который стоит сейчас пред болгарским обществом, – это каким образом изменить политическую ситуацию и как эти противоречия и конфликты разрешить так, чтобы не ставить под сомнение демократическую систему, которая является единственной бесспорной ценностью.

Существующие политические практики по пониманию социальной безопасности болгарского общества

Все, что можно сказать о социальном управлении, всегда предполагает, явным или неявным образом, более или менее структурированное представление об обществе. Имею в виду конкретный анализ реального болгарского общества.

Процессы в болгарском обществе в последние двадцать лет представляли собой различные обобщающие метафоры такие, как «перемены», «реформы» и особенно «переход». Общество представляли как абсолютно неясную субстанцию, или в лучшем случае – как сумму статистических данных. Общее между этими описаниями – это то, что используются точки зрения людей, ангажированные процессом перемен в его самом динамическом аспекте – в политическом. С этой позиции у наблюдающего оптика с искажениями одного участника событий, который смотрит на общество изнутри. Второе искажение связано не только с позицией внутреннего наблюдателя, но и игрока, то есть с ролью оказывать воздействие на положение, исходя из своего интереса. Интерес всегда был в сфере текущей политики с горизонтом в лучшем случае до тактических ходов конкретной политической силы в борьбе за власть.

Единственным спасением от двадцатилетнего марафона частичных и конъюнктурных интерпретаций является выход из позиции наблюдателя «изнутри» или «игрока и соучастника» и выбрать независимую позицию анализатора «извне» общества. Новая интерпретация должна показать синергетическую синхронизацию социального времени отдельных страт, создающих органическое целое. Этот стратегически новый подход требует более подробного анализа¹.

Главное сейчас ответить на вопрос, почему это не случается уже двадцать лет? Почему никто не берет на себя смелость объяснить социологические изменения в обществе достаточно глубоко и полностью и только в этом контексте искать политическое развитие одной или другой практики, ее основание и легитимность.

Политические актеры в этой социальной ситуации, продолжающейся более двадцати лет, формировались на основе создающихся, но практически непрозрачных технологий. Никто не смог реализовать самоидентификацию субъектов и целей перемен, так как не хотел затронуть глубинные процессы перераспределения средств, не имеющих общественной легитимности. Никто не хочет сказать, что действительно происходит в обществе.

Почему спустя двадцать лет после перехода снова говорим о необходимости стратегической перемены точки зрения, почему говорим терминами одной парадигмальной перемены от частичного к общему системному взгляду, к нахождению синергизма общественных взаимодействий, которые порождают новое качество. Сегодня это обязательно, потому что мы уже достигли конца этой идеологической пьесы. После

¹ Синергетична парадигма на националната сигурност, С. 2002 г. (второ допълнено издание).

неудачных более двадцати лет опытов частичного и паллиативного решения проблем, основной вопрос остается без ответа. Он звучит так: «Каким обществом управляем?» и «Управляем ли мы им вообще?».

Этот основной вопрос, состоящий из двух частей, требует ориентироваться в общественных характеристиках общественной жизни в целом и только тогда пускаться в политическую борьбу за власть сверх того, что мы приняли за реально существующее и управляемое. Наши политики уничтожили наше общество в их стремлении выиграть конъюнктурную борьбу в одном из его важнейших центров, центр власти по распределению благ. Но очевидно лучше иметь общий ответ на вопрос как сохранить блага, прежде чем включиться в борьбу за механизмы и принципы их перераспределения. Моральный кризис в управлении заключается именно в том, что легитимные представители политической олигархии, от левых до правых, упражняясь во власти, хотели скорее всего присвоить материальные ценности и блага. Сегодня невозможно продолжить в контексте парадигмы «точка зрения прямого участника», который не может видеть или определить общий интерес, он не владеет синергетическим интересом создать все полностью, чтобы мог потом применять различные техники перераспределения частей, благ, но только при условии, что обеспечивает непрерывный рост благ в целом.

Кризис в политическом слою отношений, или точнее стадия их генезиса в новой их форме, был определен как кризис всего общества. Отсутствие зрелости в политике было полностью перенесено на общество, и мы пережили рост политики из состояния «в себе» до состояния «для себя». Власть смогла заменить социальную реальность на кажущуюся и, используя шаблоны массового сознания, внушить, что действительно существуют политики, отвечающие принятым их наименованиям в официально оповещенных доктринах.

Сегодня, когда без возможности мимикрии политическая страта находится в кризисе, в кризисе находится и само общество, потому, что оно было ограблено самым беспощадным образом – его богатство, его идентичность, культурные схемы интерпретации и идентификации, вообще все, до чего прикасались эти новые болгарские «политики» конъюнктуры времени. У нас за двадцать лет политики подменили саму общественную миссию и неслучайно мы достигли финиша этого хорошо организованного общественного заблуждения, названного президентом Петром Стояновым (1997–2002 гг.) «фабрикой иллюзий».

Summary

SOCIAL PROTESTS IN BULGARIA IN EARLY 2013 AND PREVENTION OF EXTREMISM

Y.A. Yanakiev

The Bulgarian Association for Conflict Resolution

Abstract. This article analyzes the events related to the political crisis in Bulgaria in 2013: the reasons of social protests, the current state of the Bulgarian society and possible ways of overcoming the political and economic crisis in the country.

Key words: Bulgaria; socio-economic crisis; mass protests.

РАЗДЕЛ 3.

ПРАВО. ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

УДК 342.553

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ МУНИЦИПАЛЬНОГО НОРМОТВОРЧЕСТВА

Баранов И.Н.

Московский государственный областной гуманитарный институт

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению некоторых проблемных вопросов нормотворческой деятельности органов местного самоуправления современной России, обусловленных несовершенством правового регулирования и правоприменительной практики. На основе проведенного анализа вычлняются проблемы, решение которых объективируется необходимостью достижения нового качества российским местным самоуправлением.

Ключевые слова: местное самоуправление; муниципальные образования; муниципальная реформа; муниципальное нормотворчество; муниципальное право.

Теория муниципального нормотворчества в настоящее время переживает время становления и развития своей состоятельности в научном и теоретическом плане. Теория муниципального нормотворчества может рассматриваться в виде частной научной теории, призванной стать научным базисом для выработки необходимых рекомендаций, актуальных в первую очередь для представителей законодательной сферы. Теория муниципального нормотворчества призвана выполнять функцию методологического (мировоззренческого) характера, прежде всего, по отношению к исследованиям нормотворческой деятельности государственных органов федерального, регионального значения, муниципалитетов, населения, предоставив исследователям соответствующий методологический инструментарий [4].

С позиции науковедения в содержание муниципального права входит совокупность научных теорий частного характера, тесно связанных друг с другом. Основу зарождения и развития этих теорий составляет дробление общетеоретического предмета на условно независимые компоненты, комплексы компонентов.

Наполнение муниципального права значительно превосходит по своему объему содержание отдельной частной научной теории, в виду того, что (как следует из методологической литературы) предмет какой-либо общей теории составляют общие законы формирования всей системы. Предмет частной научной теории образуют закономерности развития отдельных подсистем общей системы. Здесь мы говорим о цельности общесистемного наполнения общей теории. С позиции отображения частных научных теорий отдельно взятого компонента предмета общей теории, наполнение частных теорий будет выше общетеоретического содержания.

Подвергая анализу соотношение муниципального нормотворчества и нормотворчества вообще, важно понимать, что они будут соотносится в виде части и целого, так как муниципальное нормотворчество затрагивает сферу отношений в местном самоуправлении, в то время как нормотворчество относится ко всем общественным отношениям. В обоих случаях и властные органы, и население могут выступать как субъекты этих видов деятельности. Указанные рассуждения могут послужить основанием для

включения их в содержание частной теории муниципального нормотворчества, которая, как представляется, имеет необходимые признаки теории.

Сфера правового регулирования муниципального нормотворчества включает в себя отношения, имеющие определенные признаки.

Во-первых, такие отношения отражают общие интересы и частные.

Во-вторых, в рамках таких отношений воплощаются в жизнь интересы участвующих сторон (Россия, регионы России, государственные органы, региональные власти, муниципалитеты, население), причем уступая в какой-то части интересам другой стороны.

В-третьих, рассматриваемые отношения выстраиваются с учетом согласия выполнить конкретные правила, обязанности или запреты.

В-четвертых, обязательства, которые присутствуют при осуществлении этих отношений достаточно сильны и действенны.

В качестве предмета правового регулирования муниципального нормотворчества выступают различные социальные отношения в области местного самоуправления, поддающиеся воздействию нормативно-организационного характера, которые в конкретных политических и социальных условиях предполагают такое воздействие, осуществляющееся посредством правовых норм, а также других правовых средств, составляющих содержание механизма правового регулирования.

Содержание и характер предмета обуславливают специфику правового регулирования. Какие-либо отношения в сфере местного самоуправления (к примеру, организационно-имущественного характера и тому подобного) принимают конкретное правовое регулирование. Специфика нормативного регулирования муниципального нормотворчества зависит также от элементов социальных отношений – статус субъектов, специфика объектов и так далее.

В область нормативного регулирования муниципального нормотворчества можно отнести 3 группы социальных отношений. Первую группу образуют отношения индивидов в сфере обмена ценностями (материальными, либо иными). В данном случае особенно четко прослеживается актуальность нормативного регулирования отношений имущественного характера, поскольку в надлежащем, корректном взаимообмене имуществом заинтересованы и население, и социум, и государство. Такие отношения выстраиваются с помощью общепризнанных основ, неукоснительное соблюдение которых обеспечивается соответствующими нормами и органами.

Во вторую группу входят отношения в сфере властного управления социумом. Управление общественными процессами предполагает интерес со стороны населения и общества. Оно осуществляется в целях удовлетворения потребностей отдельного человека, интересов муниципалитетов, регионов России и в целом государства.

Третья группа включает в себя отношения, связанные с обеспечением правопорядка, призванные обеспечить должное протекание обмена информацией и управленческих процессов в обществе. К такой классификации социальных отношений следует отнести, к примеру, отношения в области реализации законных интересов граждан. Общественные отношения, наполняющие содержания этих групп, будут составлять предмет нормативного регулирования [3].

Принципиальная значимость социальных отношений, которые регулируются в рамках местного самоуправления, выражается в том, что они могут выступать как предмет правового регулирования в виду того, что отражают волю субъекта. Однако следует помнить, что влияние права на социум будет сильнее и эффективнее, если оно воздействует на волю и сознание населения. Важно уточнить, что в виду различия между уровнями субъектов муниципального правотворчества их полномочия в данном процессе и характер общественных и нормативно-правовых последствий также будет различен.

Немаловажным фактором выступает определение пределов нормативного регулирования муниципального нормотворчества.

Фактически имеется ряд условных плоскостей муниципального нормотворчества, каждая из которых специфична. Допустим, государственные органы России (иногда –

народ), могут принимать нормативные акты в области местного самоуправления, детерминирующие не только основы деятельности муниципалитетов, но и субъектов (компетенцию, меры ответственности) муниципального нормотворчества другого уровня. То есть государственные органы России, реализуя муниципальное нормотворчество, детерминируют его на региональном и муниципальном уровнях. В свою очередь, реализуя нормы федеральных нормативных актов, региональные власти уточняют и детализируют нормотворческую деятельность муниципалитетов. Однако в виду того, что практически все виды деятельности (социокультурная, религиозная и тому подобные) реализуются на уровне муниципалитетов, то достаточно широкое распространение получило ведомственное нормотворчество в сфере органов местного самоуправления. Важно помнить, что такие нормативные акты объединяет одна особенность – они включают в себя определенные обязывающие нормы, направленные муниципалитетам или местным органам власти.

Немаловажное значение имеет и социальная обстановка на территории, где осуществляется местное самоуправление, поскольку она может определять активность и направления местного нормотворчества. Активный отрезок, связанный с федеральным нормотворчеством в области местного самоуправления, в 90-х годах прошлого столетия был сменен определенной стагнацией, которая обусловила отсутствие каких-либо действенных реформ в данной сфере. Однако в последнее время достаточно активная роль в области местного нормотворчества все же наблюдается. В то же время наличие определенных пробелов в федеральном законодательстве, недостатки законотворческой практики влекут ущемление прав муниципалитетов в некоторых регионах России. Отличительной чертой правового регулирования, равно как и нормотворчества местных органов власти, является особый правовой механизм, который может быть представлен в виде совокупности правовых методов, которые обеспечивают эффективное регулирование общественных отношений. Муниципальное нормотворчество, будучи долговременным процессом, дробится на несколько стадий, объединяющих конкретный правовой инструментарий, которые в совокупности образуют нормативный механизм.

Нормотворчество муниципальных органов представляет собой важнейший институт гражданского общества. Последнее же, исходя из сложившегося мировоззрения, противостоит государственным органам как сфера общественных отношений, в которой могут быть реализованы гражданские интересы, удовлетворены бытовые потребности. Таким образом, муниципальное нормотворчество следует исключить из системы государственных органов. Но, обозначив и аргументировав этот достаточно демократический принцип, его сторонники до настоящего времени не смогли сформировать развернутую концепцию, стройную законодательную базу в сфере создания механизма для муниципального нормотворчества [2].

Это объясняется рядом причин, ключевой из которых является то, что, констатируя необходимость ограничения муниципального нормотворчества от государственного, законодательные органы оказались в некоем тупике. Практическая реализация указанного постулата значительно осложнила процесс восстановления и поддержания единства исполнительной вертикали Российской Федерации. Выход из сложившихся обстоятельств невозможен без нового осмысления чисто теоретической проблемы взаимоотношения государства с гражданским обществом.

Проблемы гражданского общества традиционно изучались в контексте научной мысли, получившей развитие в XVII–XVIII веках. Гражданское общество рассматривалось как сфера социальных отношений, противостоящая государству. В отличие от государства, которое является сосредоточием «власти и принуждения», гражданское общество ассоциируется с областью, где права и свободы людей могут максимально полно раскрыться во всей своей красе и потенциале. В данной связи муниципальное нормотворчество является важнейшим институтом гражданского общества.

Это обусловлено тем, что именно на таком уровне личность не только в оптимальной мере способна принимать решения, удовлетворяющие повседневные потребности, реализующие ее свободы, но и непосредственно обеспечивать контроль над исполнением

таких решений. Такие представления зародились на начальном этапе развития буржуазии, в расцвет противостояния классов. Поэтому гражданское общество обоснованно воспринималось в качестве института, обеспечивающего реальный паритет прав субъектов, образующих рассматриваемое общество, так как государственные органы в те времена осуществляли, в основном, насильственную функцию.

Современное государственное образование принципиально отличается от прошлых форм государственности. В XVIII–XIX веках его деятельность осуществлялась в рамках создания условий по обеспечению безопасности населения, поддержанию порядка в социуме, а в условиях разделения на противоборствующие стороны – на обеспечение доминирования управляющей верхушки [5, с. 17].

Это обусловило восприятие населением государство исключительно как инструмент принуждения и подавления воли других людей. В такой ситуации гражданское общество было реально отграничено от государства, а органы местного самоуправления становились институтом, который мог реализовать потенциал прав и свобод населения. К началу 21 века ситуация начинает принципиально меняться.

Совершенствование социальной политики государства позволяет констатировать качественные происходящие изменения. Увеличение объема социальных гарантий, направленность на улучшение качества жизни населения свидетельствует о пересмотре значения государства в жизни населения. Это не означает стирание грани между гражданским обществом и государством, однако можно констатировать их сближение и обмен социально значимыми функциями.

Изложенное кому-то покажется достаточно смелым. Но отличие объектов социальной научной мысли от естественно научных объектов и выражается в невозможности четкого отграничения двух взаимодействующих отношений применительно к общественным явлениям и так далее. Следует констатировать, что развитие и усложнение социума обуславливает эскалацию таких взаимоналожений, охватывающих все новые горизонты.

Очевидно, что нормотворчество органов местного самоуправления является важнейшим элементом, подчеркивающим значимость гражданского общества, однако говорить о его полном обособлении от государства пока не приходится.

Но это недостаточно обоснованное методологическое положение в настоящее время положено в основу происходящих реформ муниципальных органов. Полагаем, что в нем кроются причины большинства неудач происходящих попыток, направленных на позитивные изменения в данной сфере.

Мысль о целесообразности пересмотра значения соотношения правотворчества на местном и федеральном уровнях давно является объектом интереса со стороны специалистов. Зачастую можно услышать утверждения о целесообразности восстановления советской модели местного самоуправления. Этот тезис, как правило, аргументируется принципиальной неспособностью некоторых муниципалитетов обособленно реализовать свой имеющийся потенциал [1].

Но с такими тезисами согласиться достаточно сложно. Полагаем, что причина не столько в кризисных и переходных чертах отечественного экономического сектора, сколько в том, что муниципальному нормотворчеству даже в демократическом социуме должно отводиться необходимое обоснованное место, которое позволило бы обеспечивать реализацию соответствующих функций в исполнительной государственной вертикали власти. Если исходить из того, что эта вертикаль является атрибутом государственного нормотворчества (исполнительная власть), то постулат о том, что муниципальное нормотворчество не может входить в нормотворчество государственное становится весьма шатким. Важно понимать, что муниципальное нормотворчество может не относиться к государственному в том смысле, что государственные органы не должны диктовать муниципалитетам свое видение каких-либо действий. Однако законом Российской Федерации о местном самоуправлении за ним закрепляются определенные предметы ведения и полномочия, за эффективность которых муниципальные органы будут отвечать и перед населением муниципального образования, и перед социумом, и перед государством.

Изложенное позволяет заключить, что отделение нормотворчества органов местного самоуправления от нормотворчества государства в теоретическом аспекте не состоятельно и противоречит конституционным тезисам. Фиксация за муниципалитетами самостоятельности в реализации своих функций не только означает недопустимость государственного вмешательства в их деятельность, но и то, что органы местного самоуправления должны выполнять определенные функции, соответственно они должны входить в структуру единой исполнительной вертикали. Необходимость включения в указанную вертикаль детерминирует основное отличие муниципальных органов от общественных территориальных самоуправлений, формирование и деятельность которых зависит от желания населения. Таким образом, решение комплекса проблем в сфере функционирования органов местного самоуправления тесно связано с проблемой идентификации муниципалитетов в системе органов государственной власти. Необходимо понимать, что решение этой проблемы сводится не к механическому отделению местной власти от государственной, а должно быть связано с созданием организационного механизма и условий, позволяющих с максимальной отдачей самостоятельно реализовать потенциал органов местного самоуправления.

Литература

1. Дудин А.П. Объект правоотношения как самостоятельная правовая категория : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1970. – 28 с.
2. Основы теории местного самоуправления: происхождение и развитие / В.Г. Стрекозов. – М.: Юрист, 2006. – 241 с.
3. Пухова К.Д. Нормотворчество органов местного самоуправления // В сб.: Политика. Власть. Право. Вып. IX / под ред. С.А. Комарова. – СПб.: Издательство Юридического института (Санкт-Петербург), 2011. – С. 65-68.
4. Сорокин С.П. Проблемы разграничения полномочий между федеральными, региональными органами государственной власти и органами местного самоуправления / В сб.: Проблемы российского законодательства: история и современность /Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Ч. 1. – Самара: Изд-во САГА, 2011. – С. 89-92.
5. Тихомиров Ю.А. Диалектика управления и самоуправления // Вопросы философии. – 2003. – № 8. – С. 17-20.

Summary

ACTUAL PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE OF MUNICIPAL RULEMAKING

I.N. Baranov

Moscow State Regional Institute of Humanities

Abstract. The article is devoted to some problems of norm-setting activities of bodies of local self-government in modern Russia, caused by the imperfection of the legal regulation and law enforcement. On the basis of the analysis highlights the problems, the solution of which objectivies the need to achieve a new quality of Russian local self-government.

Key words: local government; municipalities; municipal reform; the municipal rulemaking; municipal law.

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ

Гужина Г.Н.

Московский государственный областной гуманитарный институт

Аннотация. В статье автор предлагает рассмотреть оценку эффективности управления на федеральном уровне как эффективность управления госсобственностью, эффективность управления средствами федерального бюджета, эффективность управления целевыми программами.

Ключевые слова: управление общественными процессами; критерии оценки; управление государственной собственностью; система управления; эффективность.

Наука и практика показывают, что благосостояние народа и государства на 60–70% зависит от системного подхода к управлению общественными процессами и связанной с этим эффективностью управления, а на 30–40% – от других факторов. Поэтому акцентировать внимание нужно не на том, что существуют страны богатые и бедные, а на том, что в одних странах управление эффективное, а в других – нет.

В России и других странах СНГ низкая эффективность управления экономическими, политическими и социальными процессами на всех уровнях (федеральном, региональном, муниципальном, местном).

Какая-либо деятельность будет оценена как эффективная лишь в том случае, если соблюдаются следующие условия:

- сложилось четкое понимание конечной цели;
- имеется представление о ресурсах, которые необходимы для оптимального достижения этой цели;
- есть информация о тех ресурсах, которые затратил субъект.

Для измерения степени эффективности какой-либо деятельности требуются определенные критерии оценки. От качества критериев зависит объективность и результативность оценки эффективности деятельности. Поэтому выбор критериев оценки представляет собой важный и ответственный момент оценки эффективности. Поскольку эффективность деятельности имеет социальное содержание, ее оценка осуществляется на основе исторических прецедентов, здравого смысла и логики.

Оценка эффективности деятельности имеет две составляющие:

- Объективную – количественные и качественные показатели работы, результативности организации и решений руководства; существующие технологии оптимальной деятельности по достижению конкретной цели, международные и национальные стандарты этой деятельности.
- Субъективную – восприятие управленческим лидером, подчиненными и другими заинтересованными лицами результативности усилий по достижению целей и решению задач [2].

Сложность в оценке деятельности органа государственной власти (министерства, комитета, иного ведомства федерального и регионального уровня) проявляется в том, что эти учреждения не производят материальной продукции, или хотя бы услуг, по которым можно оценить степень удовлетворенности потребителя или иного результата, который можно зафиксировать, измерить, пощупать руками или хотя бы увидеть глазом, пусть даже вооруженным статистическим инструментарием.

Государство как главный субъект власти тесно связано со всеми сферами общественной жизни и представляют собой главный инструмент реализации интересов всего общества. Здесь определяющую роль играют функции государства как управляющей

системы. Государственное управление, как и управление частным предприятием, должно стремиться к максимальной производительности и эффективности.

Управление осуществляется работниками системы государственной службы, деятельность которой организуется на основе соответствующих законов, принципов и требований. Поскольку процессы управления государственным сектором, унитарными и казенными предприятиями – это реализация складывающихся производственных общественных отношений в определенных целях, то здесь приходится иметь дело с государственным и региональным управлением, которому присущи свои ценности, стиль и методы работы и так далее.

Для негосударственного, частного, коммерческого сектора, где формируются иные производственные отношения, следует применять теорию и практику современного менеджмента.

Реформирование отношений собственности в Российской Федерации позволило передать значительную часть государственного имущества в частную собственность. Вместе с тем до настоящего времени в собственности Российской Федерации остается более 9 тыс. федеральных государственных унитарных предприятий, акции почти 4 тыс. открытых акционерных обществ, более 37 тыс. федеральных государственных учреждений [3].

Одной из важнейших задач проводимой административной реформы является обеспечение государства на всех уровнях власти исключительно тем имуществом, которое необходимо ему для исполнения закрепленных за ним публичных полномочий. При этом первоочередной задачей в отношении сохраняемого в государственной и муниципальной собственности имущества является повышение эффективности его использования с обеспечением оптимального уровня госрасходов на управление.

Основными задачами в сфере управления государственной собственностью на сегодняшний день являются:

- поэтапное сокращение избыточной части государственного сектора, которая не обеспечивает выполнение функций государства, при условии существенного увеличения доходов от использования имущества, утратившего значение для выполнения государственных функций и предусмотренного к приватизации;

- переход к новой модели управления, сохраняемой государственной собственностью, основанной на принципах строгого соответствия состава государственного имущества функциям государства и обеспечения эффективности использования имущества при оптимальном уровне госрасходов на управление.

По данным Федеральной службы государственной статистики, доля государственного сектора в общем выпуске промышленной продукции составляет 12,1%, производстве сельскохозяйственной продукции – 12%. При этом доля занятых в госсекторе составляет около 23% от общей численности работающих, что свидетельствует низкую производительность труда предприятий госсектора.

Результаты исследований свидетельствуют о том, что у предприятий без государственного участия наблюдается наибольшее значение показателей рентабельности производимой продукции, фондоотдачи и оплаты труда. Величина производительности труда акционерных обществ без государственного участия в полтора раза выше, чем на предприятиях с таким участием. Наименьшее значение показателя производительности труда наблюдается у унитарных предприятий [3].

Исходя из утверждаемых федеральными органами власти программ деятельности унитарных предприятий, в поле зрения управляющих федеральных органов попадает только треть от существующих федеральных предприятий. Это связано с тем, что помимо эффективного управления имуществом (с точки зрения извлечения дохода), Российская Федерация как публично-правовое образование обязана выполнять государственные (публичные) функции. Осуществление государством своих функций на базе государственных коммерческих организаций, на которые в этом случае перекладываются затраты по реализации государственной функции, существенно снижает доходы от деятельности этих организаций.

Эффективность управления реализацией целевых ведомственных программ определяется:

- выполнением организационно-финансового плана реализации Программ;
- координацией работы исполнителей программных мероприятий;
- механизмами контроля исполнения Программ;
- процедурами обеспечения публичности (открытости) информации о значениях целевых индикаторов и показателей, результатах мониторинга реализации Программ, программных мероприятиях и об условиях участия в них исполнителей, а также о проводимых конкурсах и критериях определения победителей.

Оценку эффективности проводят посредством анализа динамики целевых индикаторов и объемов финансирования программ по годам.

Неэффективное управление исполнительной властью финансовыми ресурсами государства, в частности, средствами федерального бюджета, проявляется прежде всего в нерациональном и нецелевом использовании бюджетных средств, в увеличении текущих затрат и уменьшении затрат на капитальные вложения, а также в прямом хищении бюджетных средств с помощью разнообразных финансовых схем.

Следует подчеркнуть, что Бюджетный кодекс не содержит норм, определяющих, что считать неэффективным использованием бюджетных средств, а также указаний на противоправность неэффективного использования бюджетных средств.

Система проведения анализа и оценки результатов проводимой органами государственной власти социально-экономической политики в стране или оценки эффективности использования государственных средств (не только федерального бюджета, но и бюджетов субъектов Федерации и муниципальных образований) или аудита эффективности не разработана [1].

Ревизии и проверки независимого органа внешнего контроля – Счетная палата РФ – относятся в соответствии с зарубежной терминологией лишь к области финансового аудита. Закон ограничивает сферы, в которых Счетная палата должна контролировать эффективность. Отсутствуют четкое разграничение задач и полномочий, координация деятельности контролирующих органов, единая информационная и методическая базы, что резко снижает эффективность общей работы по сбору, анализу и обмену информацией.

Целесообразно разработать методику определения эффективности использования бюджетных средств на основе введения нормативных или расчетных показателей, определяющих результативность (отдачу) произведенных исполнительной властью расходов. Так, эффективность выражается отношением полученного результата к затраченным на его достижение финансовым ресурсам.

Эффективность использования бюджетных средств должна рассматриваться как в макроэкономическом аспекте (увеличение продолжительности жизни человека), так и внутри отдельной отрасли народного хозяйства (внедрение более производительного оборудования или более эффективная организация структуры управления повлечет за собой увеличение производительности труда, рост качества продукции, рост заработной платы).

Для осуществления радикальных перемен в обществе, для решительных экономических преобразований необходима адекватная им система управления, которая смогла бы на базе рыночных отношений, государственного регулирования и новых морально-этических позиций обеспечить эффективность производства, удовлетворить потребности населения. А для выбора направления дальнейшего движения и подведения итогов проделанной работы необходим налаженный, адекватный и слаженный механизм оценки, формулировки рекомендаций и оперативного применения этих результатов в дальнейшей деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ведута Е.Н.* Стратегия и экономическая политика государства: – М.: Академический Проект, 2009.
2. *Гибсон Дж.Л.* Организации: поведение, структура, процессы. Пер. с англ. /

- Дж.Л. Гибсон, Д.М. Иванцевич, Д.Х. Доннели. – 8-е изд. – М., 2010.
3. Государственное управление: Основы теории и организации / под ред. В.А. Козбаченко. – М.: Статут, 2010.

Summary

MANAGEMENT EFFICIENCY ASSESSMENT

G.N. Guzhina

Moscow State Regional Institute of Humanities

Abstract. In article the author suggests to consider a management efficiency assessment at the federal level as effective management of state property, effective management of means of the federal budget, effective management of target programs.

Key words: management of public processes; criteria of an assessment; management of state ownership; control system; efficiency.

МЕРЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА, НАПРАВЛЕННЫЕ НА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Лагвинович М.Ю.

Московский государственный областной гуманитарный институт

Аннотация. Статья посвящена отдельным мерам прокурорского реагирования, направленным на предупреждение дорожно-транспортных преступлений. В этой связи приводится статистика о привлеченных Орехово-Зуевским городским судом лицах к уголовной ответственности по ст. 264 УК РФ за период 2012–2014 гг., а также проводится анализ конкретных мер, принятых должностными лицами Орехово-Зуевской городской прокуратуры, направленных на предупреждение указанных преступлений.

Ключевые слова: безопасность дорожного движения; прокуратура; предупреждение дорожно-транспортной преступности; исковое заявление; надзор.

Обеспечение и безопасность дорожного движения относится к числу важнейших проблем, имеющих общемировое значение. Ежегодно на дорогах страны происходят сотни тысяч происшествий, число погибших исчисляется десятками тысяч, сотни тысяч серьезно травмируются, из них многие остаются калеками на всю жизнь [8, с. 321].

Согласно статистике Госавтоинспекции МВД России, в 2014 году на территории Российской Федерации произошло 199720 дорожно-транспортных происшествий, в которых погибло 26 963 человек, пострадало – 251 758 человек.

Подавляющее число происшествий связано с грубейшими нарушениями правил безопасности дорожного движения. Уголовная ответственность предусмотрена в случаях нарушения лицами, управляющими транспортными средствами, правил дорожного движения, повлекших определенные вредные последствия (тяжкий вред, причинение смерти по неосторожности), при управлении транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, ранее привлекавшимся к ответственности за аналогичное деяние, и другие.

Отсутствие в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации» прямого упоминания предупреждения преступлений не означает «непричастности» прокуратуры к превентивному направлению противодействия преступности. Прокуратура – важнейшее звено правоохраны, которой изначально присуща функция предупреждения преступлений [1].

В подтверждение данных слов можно привести положение п. 1.1 приказа Генерального Прокурора Российской Федерации от 16.01.2012 № 7, согласно которому надзор за исполнением законов о противодействии преступности, в том числе о ее предупреждении, является приоритетным направлением в деятельности органов прокуратуры Российской Федерации [5].

Место и роль прокуратуры в ряду субъектов предупреждения преступлений определяются, прежде всего, ее статусом как единой федеральной централизованной системы органов, осуществляющих от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации, исполнением действующих на ее территории законов, выполняющих другие важные функции в сфере правоохраны, обеспечения законности и правопорядка. Прокуратура является универсальным органом правозащиты, охранителем законных прав и интересов граждан, юридических лиц, общества и государства. Прокурорский надзор имеет практически (за редкими исключениями) всеобъемлющий характер, охватывает подавляющее большинство общественных отношений, охраняемых уголовным законом [6, с. 920].

Значительный антикриминогенный потенциал имеет надзор за исполнением законов (часто именуемый «общим надзором»), который включает проверки реализации законов, регулирующих отношения в различных сферах, в том числе дорожного движения. Сама природа данной отрасли надзора такова, что он имеет особое значение именно в превентивном плане, в аспекте раннего криминологического предупреждения. Антикриминогенное значение общего надзора, прежде всего тем, что нарушения законов, выявляемые в ходе общего надзора, по своей юридической природе зачастую представляют собой административные правонарушения, которые могут перерасти в преступления. Устранение актами прокурорского надзора нарушений закона, квалифицируемых как административные правонарушения, которые с криминологических позиций правомерно рассматривать в качестве предпреступного поведения, подрывает истоки соответствующих преступлений.

В случаях, когда в результате актов прокурорского реагирования происходит прерывание действия такого вида криминологической детерминации, как связь состояний, пресечением административных правонарушений удается предупредить разрастание их до крупных размеров, причинение ими крупного ущерба, наступление тяжких последствий, приобретение других признаков соответствующих преступлений [7, с. 8].

Работа органов прокуратуры, в конечном итоге влияющая на состояние дорожно-транспортной преступности, разнообразна, включает реализацию различных полномочий данного органа, закрепленных в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации». Рассмотрим некоторые аспекты деятельности прокуроров в данном направлении на примере Орехово-Зуевской городской прокуратуры Московской области, а также как принятые прокурорами меры повлияли на состояние дорожно-транспортной преступности на территории городского округа Орехово-Зуево и Орехово-Зуевского муниципального района.

Так, за 2012 год Орехово-Зуевским городским судом осуждено

- 31 лицо по ч. 1 ст. 264 УК РФ – за нарушение правил дорожного движения, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека;
- 3 лица – по ч. 2 ст. 264 УК РФ – за деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 264, совершенное в состоянии опьянения;
- 22 лица привлечено к установленной законом ответственности по ч. 3 ст. 264 УК РФ – за деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 264 УК РФ, повлекшее по неосторожности смерть человека;
- 4 лица осуждено по ч. 4 ст. 264 УК РФ за совершение деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 264 УК РФ, совершенное лицом, находящимся в состоянии опьянения, повлекшее по неосторожности смерть человека;
- 2 лица привлечено к ответственности по ч. 5 ст. 264 УК РФ за совершение деяния, предусмотренного ч. 1 данной статьи, повлекшее по неосторожности смерть двух или более лиц.

За 2013 год Орехово-Зуевским судом вынесено

- 27 обвинительных приговоров по ч. 1 ст. 264 УК РФ;
- 4 лица привлечено по ч. 2 ст. 264 УК РФ;
- 9 – по ч. 3 ст. 264 УК РФ;
- 3 – по ч. 4 ст. 264 УК РФ;
- 5 – по ч. 5 ст. 264 УК РФ.

За 2014 год привлечено к уголовной ответственности

- 15 лиц по ч. 1 ст. 264 УК РФ;
- 3 лица по ч. 2 ст. 264 УК РФ;
- 10 лиц – по ч. 3 ст. 264 УК РФ;
- 4 – по ч. 4 ст. 264 УК РФ;
- 2 – по ч. 5 ст. 264 УК РФ.

Как видно из представленных данных количество лиц, совершивших деяние, предусмотренное ст. 264 УК РФ и привлеченных в конечном итоге к уголовной

ответственности, не находившихся в момент совершения преступления в состоянии опьянения, имеет тенденцию к снижению:

- 55 осужденных в 2012 году;
- 41 – в 2013 году;
- 27 – в 2014 году.

К сожалению, анализ приведенной статистики указывает на отсутствие положительной динамики по количеству привлеченных лиц с 2012 года за совершенные преступления, предусмотренные ч. 2 и ч. 4 ст. 264 УК РФ, то есть лиц, находившихся в момент совершения преступления в состоянии опьянения.

В последние годы руководством Генеральной прокуратуры Российской Федерации отмечается приоритетным направлением деятельности органов прокуратуры надзор за исполнением законов о противодействии преступности, а также принятие мер, направленных на ее предупреждение. В планировании работы прокуроров активнее применяются криминологические труды российских и зарубежных ученых, посвященных изучению личности преступника, причин и условий, способствующих совершению преступления.

Прокуратура добивается устранения выявленных нарушений закона различными мерами прокурорского реагирования, каковыми являются представления об устранении нарушений действующего законодательства, протесты на противоречащие закону правовые акты, постановления о возбуждении производства об административном правонарушении. Не остается без внимания прокуроров применение такой меры прокурорского реагирования, как предостережение о недопустимости нарушений закона, которое в большей степени отвечает задачам ранней криминологической профилактики.

Однако как показывает практика, для устранения причин, способствующих совершению дорожно-транспортных преступлений, Орехово-Зуевской городской прокуратурой чаще всего используется предоставленное ей статьей 45 Гражданского процессуального Кодекса Российской Федерации право на обращение в суд в интересах неопределенного круга лиц в целях обязания виновного лица выполнить определенные действия, направленные на защиту неограниченного числа людей.

Таковыми являются, например, иски о демонтаже рекламных конструкций, которые установлены с нарушением действующих технических регламентов, ограничивающие видимость, создающих помехи водителям в восприятии дорожной обстановки или эксплуатации транспортного средства.

Согласно положениям Федерального закона «О рекламе» любая реклама не должна иметь сходство с дорожными знаками или иным способом угрожать безопасности движения автомобильного, железнодорожного, водного, воздушного транспорта [2].

Также сложившаяся ситуация противоречит основным принципам обеспечения безопасности дорожного движения, признающим приоритет жизни и здоровья граждан, участвующих в дорожном движении, над экономическими результатами хозяйственной деятельности [3, ст. 3].

Определенными сходствами с вышеназванными обладают иски о возмещении ущерба прокурора в интересах неопределенного круга лиц об обязанности лица, ответственного за содержание автомобильных дорог, произвести ремонт дороги, находящейся в неудовлетворительном состоянии.

Должностные лица прокуратуры в рамках возложенных на них обязанностей по осуществлению надзора за соблюдением федерального законодательства, к которому, безусловно, относится Федеральный закон Российской Федерации от 10.12.1995 №196-ФЗ «О безопасности дорожного движения», совместно с представителями контролирующих органов осуществляют проверки надлежащего содержания автомобильных дорог, по результатам которых выявляются нарушения, типичными из которых являются дефекты покрытия, ямочность, колеи и другие.

С плохим состоянием дорог из года в год связано около 12–15% дорожно-транспортных происшествий [8, с. 327].

Также, к обстоятельствам, способствующим совершению дорожно-транспортных происшествий, относятся ненадлежащее содержание автомобильных дорог, выраженное в отсутствии дорожных знаков, светофорных объектов и другое.

Отдельные проверки показали, что на определенных участках дорог на территории Орехово-Зуевского муниципального района отсутствуют более 100 знаков дорожного движения, обязательных в соответствии с ГОСТом, чем нарушено право граждан на безопасное передвижение по дорогам Российской Федерации [4].

В целях предупреждения дорожно-транспортных преступлений необходимо выделить многочисленные исковые заявления прокурора в защиту неопределенного круга лиц о прекращении действия права на управление транспортными средствами лиц, у которых выявлено наличие заболеваний «алкоголизм» или «наркомания». Данные заболевания входят в Перечень медицинских психиатрических противопоказаний для осуществления отдельных видов профессиональной деятельности, связанной с источником повышенной опасности, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 28.04.1993 № 377 «О реализации Закона Российской Федерации "О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании"», являющихся препятствием для управления ими авто- и мототранспортными средствами.

В соответствии с положениями Федерального закона «О безопасности дорожного движения» обеспечение безопасности дорожного движения заключается в обязательном медицинском освидетельствовании и переосвидетельствовании кандидатов в водители и водителей транспортных средств. Целью обязательного медицинского освидетельствования является определение у водителей транспортных средств и кандидатов в водители медицинских противопоказаний или ограничений к водительской деятельности [3, ст. 23].

При установлении вышеуказанных обстоятельств, которые могут привести к нарушению прав иных участников дорожного движения, Орехово-Зуевский городской прокурор активно применял свои полномочия и в период с 2013 по 2014 годы направил 97 исковых заявлений в Орехово-Зуевский городской суд о прекращении права на управление транспортными средствами, по которым заявленные требования удовлетворены.

Одно из важнейших направлений предупреждения дорожно-транспортных преступлений – качественная подготовка кандидатов в водители транспортных средств и своевременное повышение их квалификации. В этой части прокуратурой проводятся регулярные проверки автошкол на поднадзорной территории на предмет соблюдения ими действующего законодательства. Примерами выявленных городской прокуратурой нарушений в этой сфере являются

- отсутствие у автошколы лицензии на право осуществления соответствующей деятельности;
- отсутствие у организации площадки для обучения кандидатов в водители;
- отсутствие проведения регулярных медицинских освидетельствований водителей автошкол перед отправлением в рейс или заблаговременная выдача путевых листов данным лицам с отметками о прохождении медицинского освидетельствования.

Указанные выше нарушения закона устраняются городской прокуратурой путем внесения представлений об устранении нарушений действующего законодательства руководителям организаций, а также привлечением виновных лиц к установленной законом дисциплинарной, административной ответственности.

В связи с этим важно криминологически обосновать прокурорское представление и нацелить на устранение (блокирование, нейтрализацию) причин и условий преступлений. Поскольку в представлениях зачастую речь идет о нарушениях закона, которые еще не привели к наиболее опасным из них преступлениям, а могут породить их или способствовать им в будущем, прокуроры должны владеть средствами и методами криминологического прогнозирования. Интересы предупреждения преступлений необходимо по возможности учитывать при подготовке представлений, обеспечивая криминологически грамотный анализ обстоятельств, способствовавших правонарушению:

- при выборе адресатов направления этих документов (руководители организаций, где выявлены нарушения, вышестоящие органы, главы администраций, отраслевые подразделения управления, структуры надведомственного контроля и так далее);
- при осуществлении контроля за реализацией представлений;
- в ходе решения остальных вопросов, связанных с использованием данной формы прокурорского реагирования [6, с. 928].

Ярко выраженное профилактическое значение имеют публикуемые в средствах массовой информации, в государственных органах и органах местного самоуправления информации прокуроров о принимаемых мерах по укреплению законности, состоявшихся приговорах о признании виновным лица в совершении того или иного преступления и назначения ему наказания, выступления прокурорских работников перед населением, трудовыми коллективами с различными вопросами о работе прокуратуры и разъяснении действующего законодательства.

Таким образом, мы можем убедиться в том, что хотя в основном законе, регулирующем деятельность органов прокуратуры в Российской Федерации – Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации» – отсутствует положение о реализации такой функции прокуратуры, как предупреждение преступлений, анализ ведомственных документов, а также деятельность отдельного звена огромной правоохранительной структуры показывает, что целей обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства невозможно добиться без участия прокуратуры в предупреждении преступности.

Анализ представленной статистики по количеству лиц, осужденных Орехово-Зуевским городским судом по ст. 264 УК РФ в определенной степени подтверждает положительный эффект проделанной Орехово-Зуевской городской прокуратурой за последние годы работы, направленной на предупреждение дорожно-транспортной преступности, а также указывает на необходимость усилить меры по предупреждению преступлений, предусмотренных ст. 264 УК РФ, совершаемых лицами, управляющими транспортными средствами в состоянии опьянения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации».
2. Федеральный закон Российской Федерации от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе». – П. 4 ст. 5.
3. Федеральный закон Российской Федерации от 10.12.1995 № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения».
4. ГОСТ Р 50597-93 «Автомобильные дороги и улицы. Требования к эксплуатационному состоянию, допустимому по условиям обеспечения безопасности дорожного движения».
5. Приказ Генерального Прокурора Российской Федерации от 16.01.2012 № 7 «Об организации работы органов прокуратуры Российской Федерации по противодействию преступности».
6. Герасимов С.И. Настольная книга прокурора. – М., 2002.
7. Куракин Л.Л. Криминологические проблемы деятельности прокуратуры по предупреждению преступлений : автореферат. – М., 2005.
8. Эминов В.Е. Криминология. Учебник для бакалавров. – М., 2015.

Summary

MEASURES OF PROSECUTOR'S SUPERVISION AIMED AT PREVENTION OF TRAFFIC CRIME

M.U. Lagvinovitch

Moscow State Regional Institute of Humanities

Abstract. The article is devoted to particular measures of prosecutorial response aimed at prevention of traffic crimes. It contains statistics about persons prosecuted by Orekhovo-Zuevo municipal court under Article 246 of Criminal Code of Russia for the period 2012–2014. The article analyses specific measures taken by the officials of Orekhovo-Zuevo Prosecutor's office aimed at prevention of these crimes.

Key words: traffic safety; Office of Public Prosecutor; prevention of traffic crimes; statement of claim; supervision.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ КОНСТИТУЦИОННАЯ ОСНОВА АВТОНОМИИ ЛИЧНОСТИ

Полянина А.К.

Московский государственный областной гуманитарный институт

Аннотация. Непреходящая ценность человеческой личности в социальном и правовом бытии обуславливает актуальность настоящей статьи, представляющей собою попытку обоснования необходимости обеспечения автономии каждому, исходя из конституционного постулата охраны достоинства личности. Рассмотрению подверглись взгляды отдельных виднейших исследователей на правовую природу и сущность достоинства человека. Важнейшее конституционно-правовое основание автономии личности автор статьи видит именно в утверждении конституционной ценности личного достоинства.

Ключевые слова: достоинство; личность; автономия; Конституция; принципы; конституционная ценность; нравственность; свобода; культурная самобытность.

Развитие новой концепции взаимоотношений личности и государства, главной составляющей которой выступает провозглашённая Конституцией РФ обязанность государства охранять достоинство личности, требует выработки принципиально новых принципов, утверждающих баланс интересов государства и атрибутивных потребностей личности, выраженных, в частности, в признании исключительной ценности каждого человека и необходимости утверждения своей самобытности, в том числе культурной, понимаемой как возможность свободного выбора нравственных, эстетических и других ценностей (ст. 11 Закона РФ от 9 октября 1992 г. N 3612-I «Основы законодательства Российской Федерации о культуре»).

В качестве одного из таких принципов можно рассматривать принцип автономии личности, интегрирующий такие категории конституционно-правового статуса личности, которые выражают признание человека личностью, нуждающейся в неприкосновенности, свободе и безопасности, в том числе информационно-психологической, поскольку он обладает достоинством.

Уникальность личности по сравнению с другими участниками правовых отношений, а также особенность её автономии обусловлена обладанием таким исключительным качеством, как достоинство. Понимание автономии личности в качестве способности к самоуправлению, следованию собственному закону, моральной саморегуляции имеет основание в понятии достоинства личности. В правовом понимании автономия личности рассматривается, например, как атрибут достоинства личности [1, с. 44]. При этом изначально предлагается разграничивать понятие автономии от понятия индивидуализма, трактуемого в смысле безоглядного и постоянного утверждения собственной самооценности, которая, вкуче с нравственным релятивизмом, действительно, негативно отражается на всём политико-правовом и социальном развитии. В связи с этим обеспечение автономии личности, воспитание этого качества, создание условий для развития личности, способной к автономии, может предотвратить последствия проникающего в глубь социального, в том числе и правового, бытия «самодовлеющего эгоизма» и гармонизировать солидарность и самобытность как векторы социального развития.

Рассмотрение сущности достоинства как правовой категории в соотношении с личной автономией связано с выяснением природы самого достоинства. Так, с формально-юридической точки зрения достоинство выступает одной из важнейших конституционных ценностей, принципом и даже «правообразующим началом» [2, с. 91] или базой правового статуса личности. В целом исследование достоинства личности имеет многолетнюю историю в философской и политико-правовой мысли.

Например, Ж-Ж Руссо утверждал несовместимость отказа от достоинства с человеческой природой, поскольку такой отказ означает потерю свободы [10, с. 318]. И. Кант утверждал, что основанием достоинства является свободная воля человека, противостоящая низменным внутренним и своекорыстным внешним детерминантам, и определял её как «внутреннюю ценность», не имеющую эквивалента. Фридрих Шиллер также представлял достоинство выражением свободы духа и «господством моральной силы над инстинктами». Так, с философской точки зрения проблема личного достоинства неразрывно связана с проблемой условий и реализации свободы личности и даже темой «трагедии свободы» человека (С.А. Левицкий). Само понятие достоинства основывается на представлении об уникальности человека как носителя нравственного сознания, высокого призвания человека, наделённого свободой воли и ответственностью. Именно в способности следовать внутреннему закону, «неповторимости, оригинальности человеческой личности», неразрушимой «ни в пространстве, ни во времени» [7, с. 276] выражено достоинство. Это то, что русский философ и богослов В.Н. Лосский определяет как главную характеристику личного достоинства – способность самостоятельного принятия решения, свободного самоопределения, «самотворчества» [8, с. 403]. В достоинстве обнаруживается некая этическая максима, очерчивающая грани взаимоотношений человека с другими людьми и государством.

Объяснения понятия «достоинство» только через чувство самоуважения и осознания собственной значимости, как наиболее полуполярное в праве, явно недостаточно. Как отмечают некоторые исследователи, сведение достоинства к понятию «репутация», вопреки его пониманию международным правом, значительно обедняет его содержание [3, с. 44]. Сужение истинного смысла достоинства личности по сравнению с используемым в международных документах понятием ценности человеческой личности приводит к искажению представления о необходимом механизме правовой защиты достоинства, предполагающего охрану тончайших внутренних аспектов данного феномена вне зависимости от социального статуса.

Очевидно, что достоинство, являясь исключительно антропологическим феноменом, обладает большей смысловой нагрузкой, которая, в частности, раскрывается через понятие автономии («своезакония»), «моральной автономии» [4, с. 349], способности личности к самоопределению на основе собственного законодательства (И. Кант). Интеграция различных подходов к пониманию достоинства может решить сложнейшую задачу всесторонней охраны личности.

Такие главные правовые начала, имеющие статус принципов права, как свобода, справедливость, гуманизм, равенство происходят из одного источника, субстанции природы личности – достоинства. Одновременно эти правовые принципы аккумулируются в государственном признании достоинства личности и в общем виде выражены через установление государственной обязанности охраны достоинства личности. Признание достоинства конституционной ценностью утверждает особые требования ко всем характеристикам и атрибутам правового статуса личности в целом и выводит его на место одной из главных основ всей юридической системы российского общества.

Если достоинство выступает в роли основополагающей идеи правового статуса личности, автономия личности представляется концепцией, непосредственно указывающей на правовые средства охраны личного достоинства, интегрирующей в одну систему те элементы конституционно-правового положения личности, которые непосредственно обеспечивают грани социальной свободы личности: личная неприкосновенность, конкретные личные права и свободы, условия развития личности и реализации её культурной самобытности, информационно-психологическая безопасность. Степень уважения достоинства личности служит критерием оценки действительной реализации её прав и свобод в конкретном государстве.

Конституционная формулировка определяет достоинство благом, охраняемым государством вне зависимости от статуса личности и взаимоотношений государства и человека, существующих в отношении него ограничений и привилегий. В достоинстве

усматривается сугубо человеческий феномен, выделяющий человека из всего окружающего мира и других живых существ. Взаимосвязь достоинства личности с необходимым набором социальных благ проявляется в конституционном установлении направления политики социального государства, а именно: обеспечении «достойной жизни». При этом исходящие из одного источника понятия «достоинства» и «достойной жизни» относятся к различным аспектам личности, её индивидуального и социального бытия. Собственно применение к понятию «жизнь» определения «достойная» представляется не вполне корректным, поскольку допускает возможность и «недостойной жизни», то есть в понимании законодателя – жизни без определённого комплекта материальных и иных благ, который признаётся необходимым. Поэтому прилагательное «достойная», относящееся к уровню жизни, имеет мало общего с глубинным содержанием достоинства личности, в глобальном смысле указывающим на высокое призвание человека стать свободным, иметь «автономию».

Последние исследования правовой природы достоинства рассматривают его как право, как правовой принцип и как правовой институт. В рамках каждого из этих аспектов обнаруживаются особенности взаимосвязи достоинства личности и её автономии. Так, право на достоинство утверждается как естественное и непосредственно действующее и включает притязания личности по охране личности как равного с иными субъектами субъекта правоотношений, а также соответствующие обязанности государства обеспечить такую охрану [9, с. 171]. С иных позиций субъективное право на достоинство понимается как возможность личности «реализовать свою нравственную сущность и предназначение с помощью арсенала юридических средств» [3, с. 44], что имеет прямое отношение к значению личной автономии как нравственной саморегуляции и культурной самобытности. Как и субъективное право на достоинство, предусматривающее обязанность других лиц воздерживаться от действий, умаляющих достоинство каждого человека, право на личную автономию предполагает обязанность иных субъектов правоотношений не предпринимать действий, принуждающих волю личности в каком бы виде это не выражалось: маркетинговые коммуникации, настойчивые информационные воздействия СМИ, идеологическая пропаганда, трансляция или демонстрация результатов чьего-либо творчества и так далее средствами, исключающими возможность отказать от приобщения к такому творчеству. Однако в отличие о права на достоинство реализация права на личную автономию не зависит от момента ущемления личности и осуществляется уже в процессе пользования условиями для своего свободного развития (ст. 7 Конституции РФ), включая все формы правового регулирования процесса социализации, воспитания и образования человека. Как правовая возможность право на автономию возникает не в случае посягательства, но в ходе реализации прав и свобод, связанных с культурным и нравственным развитием, творческим самоопределением.

Как правовой институт достоинство выражается комплексом правовых норм, определяющих содержание понятия «достоинство» и упорядочивающих механизм защиты достоинства в случае его ущемления. Такие правовые нормы принадлежат различным отраслям российского законодательства и в совокупности направлены на признание потребности личности в осознании собственной ценности, на установление условий и процедуры защиты достоинства, определение правовых последствий нарушения достоинства личности. Одновременно институт достоинства личности выступает элементом общей конструкции института конституционно-правового статуса личности. Комплексный характер института достоинства также свойственен и институту автономии личности, сочетающего такие составляющие правового статуса личности, которые характеризуют значение культурных, психологических и духовно-нравственных потребностей личности в данном обществе. Кроме того, правовой институт автономии личности также образуется как конституционными, так и отраслевыми нормами, устанавливающими возможности личности в развитии и культурном определении, ограждающими от внешнего вмешательства в сферу личного бытия, обеспечивающими личности состояние защищённости, при котором отсутствует риск, связанный с причинением информацией вреда здоровью и физическому, психическому, духовному, нравственному развитию (ст. 2 ФЗ от 29 декабря 2010 г. N 436-ФЗ

«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»). Представляется возможным использовать правовые нормы, регламентирующие механизм защиты достоинства и применительно к автономии личности.

И наконец, достоинство личности, рассматриваемое в качестве конституционного принципа, выступает в виде исходной идеи, характеризующей взаимоотношения личности и государства в различных правоотношениях. Принцип достоинства личности воздействует как на формулирование прав и свобод личности, так и на их реализацию, и в целом – на правовое регулирование тех общественных отношений, субъектом которых является личность. Именно как принцип достоинство личности более всего соотносится с автономией личности. Принцип автономии личности находит своё выражение во всех сферах деятельности личности, требующих приложения волевого усилия при реализации конституционных прав и свобод, связанных с выбором убеждений, идей, высказываний, получаемой информации, форм трудовой деятельности, места жительства, направлений творческой реализации или же выбор между приобщением или отграничением себя от результатов творчества других субъектов. Принцип автономии личности раскрывает те аспекты личного достоинства, которые относятся к процессу принятия независимого решения и формирования волеизъявления и постулирует отсутствие какого-либо внешнего давления, как на формирование, так и на практическое выражение воли личности как сущностного ядра достоинства личности. Одновременно принцип автономии личности, взаимодействуя со всеми личными правами и свободами, гармонизирует волеизъявление личности с общим интересом в процессе реализации ею прав и свобод. Нацеленность на соединение внешнего выражение решения и действительной воли личности является задачей регулирующего воздействия принципа автономии личности и тем способствует охране достоинства личности. Возможность соединения возрастающей потребности человека в индивидуализации и необходимости в социализации, утверждение значимости свободного и творческого самоопределение личности в культуре и социуме, ценности принятия решения с учётом внутренних детерминант и внешних условий приводит к признанию принципа автономии личности «основным концептом современности» [5, с. 2]. Тем более что значительному расширению внешних (социальных, гражданских) границ свободы человека сегодня неизменно сопутствуют угрозы развитию у него волевых качеств, критичности мышления, риски умаления личностной целостности, то есть свойств личности, прямо обуславливающих её достоинство. Практическое значение автономии личности, рассматриваемой в качестве правового принципа, так же, как и принцип достоинства личности заключается в способности оказывать регулирующее воздействие в разнообразных сферах взаимодействия личности и государства.

Таким образом, смысловым центром всей правовой системы сегодня можно считать достоинство личности, выступающее условием закрепления прав и свобод личности и других правовых принципов, его конкретизирующих.

Как справедливо отмечают классики правовой мысли, только «нравственно развитая личность, личность с сознательно выработанными и твёрдыми нравственными убеждениями» осуществляет развитие государства [6, с. 364], поэтому возможности личности иметь, хранить и осознавать собственное достоинство должны быть обеспечены государством. Другими словами, создавая условия для развития личности, формирования способности к самодетерминации, самоуправлению на основе нравственных установок, государство обеспечивает собственное развитие. Принцип автономии личности, субстанциональным началом которого выступает достоинство как концентрированное выражение духовного облика личности, предполагает признание и охрану главного призвания личности – свободы. При этом свобода проявляется в таком отношении личности к своему поведению, при котором только она является субъектом или причиной поведения, а не какие – либо внешние (природные или социальные) факторы. Свобода отражает субъектность личности, её активное действующее начало, неподвластное внешним детерминантам, но одновременно предполагающее существование внутреннего регулирования, «своего закона» – автономии. Именно в свободе заключена природа

личности и её уникальность – достоинство, а свобода достижима только благодаря приобретению (или сохранению) свойства субъектности как способности к личной автономии. Сверхценным или обладающим достоинством человека делает наличие свободной воли, способность действовать и самоопределяться в обществе и мире в соответствии со своим законом (моралью), поскольку такой способностью не обладает более никакое явление и существо. Иными словами принципы автономии личности и достоинства закрепляют за личностью статус субъекта правоотношений, определяют пределы личной неприкосновенности, условия свободного развития и возможностей для проявления культурной самобытности, вызывают к обеспечению информационной безопасности. А обязанность государства по охране личности предполагает «предоставление юридических гарантий свободы и автономии личности в государстве» [9, с. 137].

Многогранность достоинства проявляется в его отражении во многих правовых принципах и, безусловно, в принципе автономии личности, отражающем важнейшие грани бытия личности, её свободную волю. Понимание достоинства личности фундаментом личных прав и свобод позволяет выявить его исключительное значение как правового явления, требующего государственного признания, соблюдения и защиты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарь Н.С. Конституционный суд России - гарант конституционной безопасности личности, общества, государства//Правовые вопросы национальной безопасности. – 2010. – № 5-6. – С. 42-51.
2. Власова О.В. Достоинство личности и СМИ: некоторые проблемы злоупотребления свободой слова / О. В. Власова // Вестник Поволжской академии государственной службы. – 2009. – № 4 (21). – С. 89-96.
3. Власова О.В. Достоинство человека как нравственно-правовая ценность: общетеоретическое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Власова О.В. – Саратов, 2011. – 54 с.
4. Кант И. Метафизика нравов в двух частях. Ч. 1. Метафизические начала учения о праве / Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 4, Ч. 2. – М.: Мысль, 1965. – 478 с.
5. Кравченко Р.Ю. Личностная автономия: философский аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-н/Д., 2008. – 13 с.
6. Лекции по общей теории права / Коркунов Н.М. – 9-е изд. – М.: Н.К. Мартынов, 1909. – 364 с.
7. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Т. 4. – М.: АСТ, Искусство, Мысль, 2000. – 958 с.
8. Лосский В.Н. Богословское понятие человеческой личности // Боговидение. – Минск, 2007. – С. 403.
9. Марченко В.Я. Достоинство личности в конституционно-правовом измерении : диссертация ... канд. юр. наук./ Марченко В.Я. – М., 2008. – 182 с.
10. Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре. Трактаты / пер. с фр. – М.: КАНОН-пресс, 1998. – 416 с.

Summary

FUNDAMENTAL CONSTITUTIONAL BASIS OF INDIVIDUAL AUTONOMY

A.K. Palyanina

Moscow State Regional Institute of Humanities

Abstract. The intrinsic value of the human person in the social and legal existence determines the relevance of this article represents an attempt to justify the need for the autonomy of each on the basis of the constitutional protection of human dignity postulate. Review undergone

some prominent researchers views on the legal nature and essence of human dignity. The most important constitutional and legal basis of individual autonomy author sees it in the approval of the constitutional values of personal dignity.

Key words: dignity; identity; autonomy; the Constitution; the principles; constitutional value; morality; freedom and cultural identity.

Наши авторы

Баранов Илья Николаевич – старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин ГОУ ВО МО «Московский государственный областной гуманитарный институт», г. Орехово-Зуево; E-mail: ilyabar2009@mail.ru

Булавкин Клим Валерьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры историко-правовых и гуманитарных наук ГОУ ВО МО «Московский государственный областной гуманитарный институт», г. Орехово-Зуево; E-mail: bklim@bk.ru

Гужина Галина Николаевна – доктор экономических наук, профессор кафедры экономики, управления и бизнеса ГОУ ВО МО «Московский государственный областной гуманитарный институт», г. Орехово-Зуево; E-mail: guzina74@mail.ru

Карташев Николай Васильевич – доктор педагогических наук, профессор социальной педагогики ГОУ ВО МО «Московский государственный областной гуманитарный институт», г. Орехово-Зуево; E-mail: kartashev50post.ru

Коваленко Нина Аркадьевна – кандидат социологических наук, г. Москва; E-mail: nina.kovalenko@gmail.com

Крупейников Константин Владимирович – кандидат философских наук, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин юридического факультета, ГОУ ВО МО «Московский государственный областной гуманитарный институт», г. Орехово-Зуево; E-mail: krypesha@mail.ru

Лазвинович Михаил Юрьевич – помощник прокурора г. Орехово-Зуева, аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин ГОУ ВО МО «Московский государственный областной гуманитарный институт», г. Орехово-Зуево; E-mail: m.lagvinovich@mail.ru

Полянина Алла Керимовна – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, кандидат социологических наук ГОУ ВО МО «Московский государственный областной гуманитарный институт», Эксперт на право проведения экспертизы информационной продукции (РОСКОМНАДЗОР); E-mail: Alker@yandex.ru

Роман Сергей Николаевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры историко-правовых и гуманитарных наук ГОУ ВО МО «Московский государственный областной гуманитарный институт», г. Орехово-Зуево; E-mail: berbertolu44i@mail.ru

Сокольская Людмила Викторовна – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин ГОУ ВО МО «Московский государственный областной гуманитарный институт», г. Орехово-Зуево; E-mail: sokol4512@yandex.ru

Щербакова Ольга Ивановна – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, г. Москва; E-mail: olga716@rambler.ru

Янакиев Янко Антонов – кандидат экономических наук, Болгарская ассоциация конфликтологов, г. София, Болгария; E-mail: y_yanakiiev@yahoo.com

OUR AUTHORS

Baranov Ilya Nikolaevich – senior teacher of chair of civil law disciplines, Moscow State Regional Institute of Humanities, Orekhovo-Zuevo; E-mail: ilyabar2009@mail.ru

Bulavkin Klim Valerievich – candidate of Philology science, Associate professor of historical-legal and humanitarian sciences chair, Moscow State Regional Institute of Humanities, Orekhovo-Zuevo; E-mail: bklim@bk.ru

Gugina Galina Nikolaevna – doctor of economic Sciences, Professor, Department of Economics, management and business, Moscow State Regional Institute of Humanities, Orekhovo-Zuevo; E-mail: guzina74@mail.ru

Kartashev Nikolai Vasilievich – Doctor of Pedagogics, Professor, head of social pedagogics chair, Moscow State Regional Institute of Humanities, Orekhovo-Zuevo; E-mail: kartashev50post.ru

Kovalenko Nina Arkadievna – candidate of sociological Sciences, Moscow; E-mail: nina.kovalenko@gmail.com

Krupeynikov Konstantin Vladimirovich – candidate of philosophical sciences, Head of Department of Civil Disciplines, Moscow State Regional Institute of Humanities, Orekhovo-Zuevo; E-mail: krypesha@mail.ru

Lagvinovich Mikhail Yurievich – assistant attorney Orekhovo-Zuev, PhD student, Department of criminal law disciplines Moscow State Regional Institute of Humanities, Orekhovo-Zuevo; E-mail: m.lagvinovich@mail.ru

Palyanina Alla Kerimovna – Moscow region state humanitarian Institute associate Professor civil law disciplines candidate of sociological Sciences Expert on the right of expert examination information products (ROSKOMNADZOR); E-mail: Alker@yandex.ru

Roman Sergey Nikolaevich – candidate of philological Sciences, associate Professor of the Department of historical legal and humanitarian Sciences, Moscow State Regional Institute of Humanities, Orekhovo-Zuevo; E-mail: berbertolu44i@mail.ru

Sokol'skaya Luidmila Victorovna – associate Professor of the Department of state and legal, Moscow State Regional Institute of Humanities, Orekhovo-Zuevo; E-mail: cokol4512@yandex.ru

Shcherbakova Olga Ivanovna – doctor of psychology, Professor of the Department of psychology of the Russian economic G. V. Plekhanov's University, Moscow; E-mail: olga716@rambler.ru

Yanakiev Janko Antonov – candidate of economic Sciences, the Bulgarian Association of conflict resolution studies, Sofia, Bulgaria; E-mail: y_yanakiev@yahoo.com

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
ГУМАНИТАРНОГО
ИНСТИТУТА

**СЕРИЯ: ИСТОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ,
ПОЛИТОЛОГИЯ, ПРАВО**

*Научный журнал
№2 (2014)*

Подписано в печать 26.12.2014.

Формат 60x84/8.

Усл. печ. л. . Тираж 100 экз.

Редакционно-издательский отдел
Московского государственного областного гуманитарного института.
142611, Московская область, г. Орехово-Зуево, ул. Зеленая, д.22.